

Время, с тобой

ФИОНА
КОЛЛИНЗ

*Часы, проведенные
вместе*

Trendbooks

Фиона Коллинз

Время с тобой

«Издательство CLEVER»

2024

Коллинз Ф.

Время с тобой / Ф. Коллинз — «Издательство CLEVER»,
2024 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00-252073-2

«Время с тобой» – история сложной и нежной любви, которая вновь и вновь сталкивает двух героев, знакомых с детства. Трогательный и теплый роман с нотками ностальгии в атмосферной обложке от Miorin. Оказаться на сказочном острове с первой любовью и человеком, которого впервые встретила в юности, но пыталась забыть последние пятнадцать лет. С каждым часом, проведенным вместе, возвращаются воспоминания об их запутанной любви, и Мэгги приходится столкнуться с болезненными совпадениями судьбы, что когда-то их разлучили. Было ли у них вообще возможно другое будущее? И есть ли шанс на него теперь? Они оба обожглись на любви в прошлом, но, когда часы отсчитывают последние минуты их пребывания на острове, – станет ли эта краткая встреча окончательной точкой между ними? Или это их последний шанс возродить ту самую искру и прожить историю любви, о которой они когда-то мечтали? «Время с тобой» – это книга роман для тех, кого привлекают романы о любви с глубоким описанием чувств, интересные книги о любви, пронесенной сквозь время, и эмоциональные романы. Если вы ищете книги 18+ и книги для взрослых о сложных жизненных выборах, книги романы, захватывающие с первых страниц, любовные романы для легкого чтения и современные романы со зрелым взглядом на отношения, эта книга для вас.

ISBN 978-5-00-252073-2

© Коллинз Ф., 2024
© Издательство CLEVER, 2024

Содержание

Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	25
Глава шестая	28
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	48
Глава десятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Фиона Коллинз

Время с тобой

Привет, дорогие читатели!

Вы держите в руках книгу редакции Trendbooks.

Наша команда создает книги, в которых сочетаются чистые эмоции, захватывающие сюжеты и высокое литературное качество.

Вам понравилась книга? Нам интересно ваше мнение!

Оставьте отзыв о прочитанном, мы любим читать ваши отзывы!

Copyright © Fiona Collins 2024

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Книги – наш хлѣбъ

Наша миссия: «Мы создаѣм мир идей для счастья взрослых и детей»

Пролог

Когда они были влюблены, им казалось, что каждый день светит солнце. Когда они были влюблены, ночь укутывала их теплым бархатным одеялом, притягивая еще ближе друг к другу. Каждый час, проведенный вместе, был наполнен смыслом и волшебством. Каждое мгновение, разделенное друг с другом, было пронизано райским блаженством.

Порой она ловила на себе его взгляд, когда летним днем они лежали, обнявшись, на поросшем травой склоне у берега моря или когда в полудреме нежились в постели морозным зимним утром, переплетя руки и ноги. Она любовалась его дерзкой улыбкой и зелеными глазами – сколько в них было спокойствия, искренности и любви, любви к ней! – и почти верила, что так будет всегда. Что они проведут вечность в объятиях друг друга и их будущее предопределено и необозримо.

Мэгги и Эд. Эд и Мэгги. Могло ли быть иначе? Когда они были молоды и влюблены, казалось, у них впереди вся жизнь, но они ошибались. Жизнь – долгая дорога, на ней можно споткнуться, сбиться с пути и потерять друг друга. Жизнь привела Мэгги туда, где она меньше всего рассчитывала оказаться: на холодный пирс в пасмурный декабрьский день. И ледяной ветер, летевший со стороны серого моря, не мог высушить ее слез.

В тот день она плакала, пока не почувствовала, что сердце ее стало выжатой бесполезной тряпкой. Она потеряла Эда навсегда, а он даже не попрощался, это пришлось делать ей, и тогда стало ясно, что больше она его не увидит. Во всем мире не было дороги, которая могла бы снова свести их вместе. Не было в море волн, которые вернули бы ее к нему.

Они потерялись. Она для него, а он – для нее.

Глава первая 17:00, на острове

Солнце было чересчур ярким, океан – чересчур голубым, зато рука молодого человека, готового помочь Мэгги Мартин сойти с шаткой рыбацкой лодки и опустить ступни в теплое мелководье, показалась ей обнадеживающе крепкой.

– Добро пожаловать на остров Воспоминаний, – сказал молодой человек. – Я провожу вас к вашему жилищу. Меня зовут Амин.

– Спасибо, Амин, – ответила Мэгги.

Вряд ли Амину доводилось часто приветствовать на острове Воспоминаний одиноких путешественниц, тем более шестидесятиоднолетних дам в шортах и безрукавке с надписью «Отель «Калифорния», с фотоаппаратом на шее и в панаме с логотипом «Манчестер Юнайтед», позаимствованной у паренька с лодки. Мэгги вцепилась в руку Амина так, словно больше не собиралась ее отпускать.

– А где ваш багаж? – поинтересовался он.

– Здесь! – крикнул из лодки Салу, озорной босоногий мальчишка.

Всю дорогу от Ла-Дига¹ он забрасывал ее вопросами о футбольной премьер-лиге, на которые она не знала ответов, и со смехом нахлобучил ей на голову свою панаму, едва их маленькое судно вышло в невероятно чистые воды местного порта.

– Не спалите макушку, миледи! – воскликнул он, сворачивая швартовочный трос, и Мэгги засмеялась в ответ, куда больше волнуясь о том, как бы не сгореть на этом острове. В прямом и переносном смысле.

Перегнувшись через рулевого, молча и праздно сидевшего на корме, Салу подцепил большим пальцем ее оранжевый рюкзак – тот самый, что заставлял Мэгги чувствовать себя великовозрастной туристкой, но уже не раз доказал свое удобство, – и бросил его Амину.

– Путешествуете налегке, – с улыбкой подметил Амин, поймав рюкзак.

– Едва ли, – пробормотала Мэгги.

Ее не покидало ощущение, что опыт прожитых лет все хуже поддерживает ее на плаву, словно спущенный спасательный круг.

– Увидимся завтра, миледи! – крикнул Салу.

Мэгги стянула панамку и ловко вернула ее владельцу. Теперь ей приходилось щуриться: очки, купленные в лондонском аэропорту, были недостаточно темными для ослепительного солнца, игравшего на бирюзовой глади Индийского океана. Тут же захотелось вернуться в лодку. Потом пересесть в другую. На паром до Праслена². Сесть в маленький самолет. Затем в большой. Ей захотелось вернуться в Лондон, в свою аккуратную квартирку, к видавшему виды коричневому кожаному дивану, на котором лежит сложенный зеленый плед, к своим книгам и коллекции пластинок. К дождю, шелестящему за грязным окном, которое равнодушно взирает на улицу. Но вместо этого, по-прежнему опираясь на руку Амина, Мэгги побрела к берегу: в руке эспадрильи, пальцы ног зарываются в прохладный шелковистый песок.

– Бунгало «Маргарита» находится там, – сказал Амин, когда они вышли из воды и ступни Мэгги утонули уже в сухом, почти перламутровом песке бесконечного пляжа. – Видите?

Амин высвободил руку, указывая на зеленую полосу пальм и прочей растительности. Вдалеке Мэгги едва могла разглядеть резкую линию берега с россыпью светлых домиков.

– Великолепно, – сказала она.

¹ Один из островов Сейшельского архипелага (здесь и далее примечания переводчика).

² Также остров Сейшел.

Именно это слово использовала Симона, редактор журнала «Сверхновая», после того как, вопреки обыкновению, сама забронировала для Мэгги жилье. Так сильно ее заинтриговал крошечный остров Воспоминаний.

– Необычайно красиво, дорогая, пусть и слегка примитивно, – добавила Симона, протягивая Мэгги фотографию ветхого желтого бунгало с покатой соломенной крышей и верандой, скрепленной бамбуковыми прутьями. – Судя по тому, что я прочитала в интернете, ты будешь единственной гостьей, помимо *сама знаешь кого*. Кто бы мог подумать, – подытожила женщина, изящно тряхнув гладким черным каре, прежде чем скрыться в своем кабинете, – что последнее задание приведет тебя на далекий и малолюдный остров?

Далекий необитаемый остров... Да уж, путь до него и в самом деле был неблизкий. Мэгги потратила на дорогу двадцать часов. И остров Воспоминаний определенно был прекрасен, словно сошел с открытки: море, песок, пальмы, солнце... и жара, особенно удивительная в январе. Зимой в Лондоне Мэгги не мыслила жизни без теплых носков. Но последний материал для ее колонки «Где они сейчас?» в журнале «Сверхновая» должен был стать запоминающимся по многим причинам, хотя удаленность и красота острова были, пожалуй, последними из них.

Амин зашагал по пляжу, перекинув через плечо жалкий рюкзак Мэгги. Она последовала за ним, не переставая щуриться. Ноги вязли в обжигающе горячем песке. Она хотела надеть эспадрильи, но Амин не сбавлял шаг. Вскоре он вместе с рюкзаком скрылся в тропических зарослях, так что Мэгги, забыв об элегантности, пустилась трусой, чтобы нагнать его на запущенной тенистой дорожке. Тропинка вилась между чешуйчатými пальмовыми стволами и густо переплетенными гладкими корнями.

– Осторожнее, мисс Марти, – предупредил Амин, когда, надев эспадрильи, Мэгги обогнула низко нависшую ветку, спрятавшуюся в пальмовых листьях размером с маленький автомобиль.

Мэгги подумала, что осторожничать уже поздно. Она ведь уже сюда приехала. И надеялась как можно скорее разобраться со всеми делами и уехать. Получить то, зачем ее отправили, и сбежать.

Они шли, ежеминутно уклоняясь от низких веток. Наконец густые заросли остались позади, и тропинка превратилась в подобие тротуара, который тщательно подмели. Ржавый разбрызгиватель поливал траву, работая практически вхолостую. Чуть поодаль сгрудились пять грубо сколоченных бунгало. К одной из веранд был прислонен старый велосипед. В дверях другого дома, поджав ногу, как цапля, стояла девочка в выцветшем красном сарафане.

– Эти дома принадлежат жителям острова, – пояснил Амин, – но Па Заян рад на время уступить гостю свое жилище...

Он провел ее мимо двух первых бунгало к третьему, веранда которого выглядела так, словно ее только что щедро окатили водой.

– Добро пожаловать, – объявил Амин, распахивая дверь перед Мэгги. – Надеюсь, вам понравится бунгало «Маргарита».

– Тут очень мило, – воскликнула Мэгги и тут же почувствовала укол совести.

Что ж, оставалось надеяться, что Па Заян временно перебрался к живущей неподалеку любимой дочери. Бунгало действительно оказалось очень уютным. В комнате стояла маленькая кровать с голубым покрывалом и полупрозрачной москитной сеткой. На прикроватном столике из бамбука лежала перевернутая книга. («Художественная литература?» – невольно задумалась Мэгги. Она такое больше не читала, хотя в самолете и проглотила пару тонких томиков Фрэн Лебовиц³ и сборник эссе Джоан Дидион⁴). Стол и два задвинутых под него дере-

³ Американская писательница, приобретающая известность благодаря своим искрометным и саркастическим статьям на разные темы.

⁴ Американская писательница, автор романов, пьес и киносценариев.

ванных стула на чисто выметенном терракотовом полу. В глубине хижины виднелась ванная комната, выложенная простой белой плиткой.

– Только холодная вода, – извиняющимся тоном сообщил Амин, показывая на кран. – Но на острове очень жарко, так что...

– Ничего страшного, – заверила его Мэгги.

Амин осторожно поставил ее рюкзак в углу комнаты. Мэгги живо представила письмо, лежащее на самом дне, прямо под косметичкой, край которой выпирал сквозь ткань. Станным образом это напомнило ей о том, как она была беременна Элоизой: крохотная пятка упиралась в ребра, а локоток натягивал кожу там, где когда-то располагалась талия. Письмо на дне рюкзака было посланием в бутылке, которое Мэгги попросили доставить – если позволят время и человек.

– Спасибо, Амин, – сказала она.

Тот с удивлением и радостью принял чаевые. Когда он уже собрался уходить, Мэгги спросила:

– Вы, случайно, не знаете, где я могу найти человека по имени Эд Кавано? В этот час? – добавила она, ловя себя на мысли о том, как неестественно это прозвучало – словно она была героиней Джейн Остен, только в майке с символикой «Иглз».

– Вы про *мистера Эда*? Конечно, знаю, – улыбнулся Амин. – Он на пляже, к западу от того места, где причалила ваша лодка.

– К западу, то есть справа? – уточнила Мэгги. *Мистер Эд*?

– Да, справа. Он будет там со своей лодкой. Сразу за маленькой пристанью. Синяя лодка, желтая мачта.

– У него есть лодка?

– Да. Он выходит в море каждое утро, – кивнул Амин. – Надеюсь, вам здесь понравится, мисс Марти.

Она снова решила его не поправлять.

– Спасибо, Амин.

Когда Амин ушел, Мэгги ополоснулась под холодным душем, вытащила из рюкзака длинное платье из малинового шелка и кожаные шлепанцы на плоской подошве, привела себя в порядок, но так, чтобы никто не подумал, будто она приложила для этого слишком много усилий. Выйдя из бунгало, Мэгги опять прошла через тенистую рощу и вернулась на пляж. Солнце понемногу опускалось за горизонт, но все равно нещадно палило.

Она повернула направо и сняла шлепанцы, чтобы пройти по песку босиком – к вечеру он немного остыл. Тихие волны лениво разбивались о берег. В небе парила чайка, держа курс в сторону солнца, вдали бесцельно плыли одинокие облака. Мэгги миновала маленький причал, на котором, опустив в воду голые ноги, сидели двое мальчишек и рыбачили. Вдали на бирюзовой глади действительно покачивалась лодка. Кажется, синяя с желтой мачтой.

Какое-то время Мэгги стояла и наблюдала за ней. Сердце билось беспокойным узником в клетке ребер, а нервы звенели, как ключи в руках тюремщика. Наконец она увидела, как к мачте подошел человек. Неужели это он? Без вести пропавший, которого она искала? Мэгги подняла руку и помахала, гадая, сможет ли он разглядеть ее с такого расстояния.

Их разделяло столько всего. Мэгги был шестьдесят один год, и жизнь, от которой она добровольно отстранилась, успела порядком ее потрепать. Ей нужно было в равной степени поработать над своей осанкой и своими сожалениями. А он был Эдом Кавано и имел все основания развернуть лодку и уплыть за горизонт, едва завидев ее.

Они знали друг друга так долго – и ничего друг о друге не знали. Они впервые встретились неподалеку от берега, который так разительно отличался от этого. Там море плескалось серо-зеленой мутью, пляж был усыпан галькой, а вдоль побережья выстроились достопримечательности для туристов. Там никогда ничего не случалось – во всяком случае, с ней – до тех

пор, пока одним жарким августовским днем она не заговорила с Эдвардом Невиллом Крэддоком.

Глава вторая

17:00, 11 августа 1971 года

Мэгги сидела на стене. Этот августовский день ничем не отличался от любого другого дня школьных каникул на Шарлотт-роуд. Она изнывала от жары и скуки. Мэгги бездельничала, чего ее мать терпеть не могла, но что еще ей оставалось? Мэгги до смерти надоело валяться на диване, читая детективы про Нэнси Дрю, или лежать на колючем ковре и смотреть «Приключения Робинзона Крузо», гадая, почему от завораживающей музыки в заставке ей всегда хочется плакать. От скуки она сделала пару соломенных куколок и безуспешно пробовала плести макраме. Расстилала полотенце в саду и старательно *не* загорала (спасибо ирландским корням!), слушая, как соседи постригают лужайки, перекрикиваясь со своими женами, мужьями или детьми.

Мэгги ушла на стену, чтобы немного побыть в тишине, но и здесь о спокойствии можно было только мечтать: по дороге то и дело проносились машины, изредка где-нибудь хлопала дверь. Женщина, живущая в четырех домах от них, – на окнах у нее цвели герани, и каждое утро она шествовала с сумочкой в магазин – сердито задернула на эркерном окне сиреневый тюль. Верно, ей не нравились сидящие на стенах четырнадцатилетние девочки, заполонившие улицы.

И все равно здесь было лучше, чем дома. Мама готовила закуски к чаю – рулетики из печени с беконом – и хлопотала на кухне, крутясь между буфетом, холодильником и плитой в своем джинсовом платье без рукавов. Папа должен был скоро вернуться с фабрики. Войдет через черный ход, благодушно бросит на кухонный стол пустой контейнер для завтрака, наклонится, чтобы поцеловать маму и подмигнуть ей из-под «битловской» челки, а потом, громко топая, поспешит наверх, чтобы поскорее снять фабричный комбинезон. Ее брат Стиви, наверное, валялся на кровати в одних штанах, вокруг – жестянки из-под табака «Ризла» и миски с засохшими хлопьями. Роскошная жизнь на пособие по безработице. Если он все-таки спускался вниз, то лишь для того, чтобы отпустить язвительный комментарий по любому поводу. Мэгги дошла до той стадии каникул, когда при одном виде близких ей хотелось закатывать глаза. Она скучала по Джейни, своей лучшей подруге. Та подло предпочла провести остаток лета со своими кузинами: они поехали в тематический парк развлечений «Плежервуд Хиллс» в Грейт-Ярмуте⁵. И пока Мэгги торчала на Шарлотт-роуд, предательница Джейни, скорее всего, визжала от восторга на американских горках.

Мэгги поболтала ногами, наслаждаясь тем, как каблуки красных кожаных сандалий стучат по стене, всякий раз выбивая из нее облако кирпичной пыли. Ей нравились густой теплый воздух и звуки летней улицы. Нравилось сидеть и наблюдать за людьми, размышляя, куда они идут и откуда. Порой она заговаривала со стариками, которые возвращались из магазина. Иногда заглядывала в окна домов на противоположной стороне: любопытно было узнать, чем занимаются люди.

Заслышав голоса, Мэгги обернулась и тут же вжала голову в плечи, когда увидела, кто идет. По улице шагали четверо парней старше нее – им было лет по семнадцать. Почти взрослые. Они смеялись, вели себя развязно, и даже с такого расстояния до нее долетал аромат одеколона «Брют 33». Парни были разодеты в брюки клеш и облегающие футболки с рисунками и полосками. Солнце, клонившееся к закату, окружало их ореолом золотистого света. Они словно сошли с обложки альбома молодой рок-группы. Один из них в самом деле нес на плече радиоприемник, из которого потрескивали «Ти-Рекс», и парни невольно шли в такт музыке.

⁵ Город в английском графстве Норфолк на берегу Северного моря.

Эд Крэддок – посередине. Он смеялся громче всех, и когда Мэгги осмелилась поднять голову, чтобы посмотреть на него, то заметила в руке у Эда палку – бог знает, где он ее нашел, – которую он волочил, цепляя все трещины и колдобины мостовой. Она давно его не видела. Эд был самым красивым парнем из всех, кого ей доводилось встречать. Мэгги нравилось, как на нем сидели клеши. И футболка. И то, как подпрыгивали под песню «Забирайся» его растрепанные темные кудри.

Парни подходили все ближе. Палка уже стучала перед домом Дамы с геранями, пересчитывая кирпичи на низкой садовой ограде. Мэгги знала, что в ее сторону они даже не посмотрят, ведь ей всего четырнадцать и она была мало того что рыжей, так еще и кудрявой, как Кристал Типпс⁶, а они – красивыми, нахальными и к тому же направлялись в паб. Имя Эда Крэддока было ей известно только потому, что как-то раз он сел на заднее сиденье машины на своем конце улицы, а она садилась в машину с мамой и папой на своем. Мама тогда заметила, какие они элегантные, эти Крэддоки, и добавила, что «Эдвард непременно вырастет в красивого юношу». Мэгги еще подумала, куда же они собрались, вдруг в «Павильон на утесе», смотреть пантомиму, как и ее семья. Но среди зрителей Мэгги его не увидела, хотя старательно выглядывала. Зато летом он часто проходил по улице в среду – в короткий рабочий день – со своими приятелями, как сегодня.

– Ох черт, прости. – Эд Крэддок задел палкой левую ногу Мэгги. Он смотрел в другую сторону. – Ты в порядке?

– Да, – ответила она. – Все нормально.

– У тебя царапина. – Он остановился.

Его приятели продолжили идти. Один обернулся, подпрыгнув, и крикнул:

– Ну где ты там, Эд? Идем в паб!

– погоди минуту, – отозвался Эд. – Вот.

Он вытащил из заднего кармана сложенный носовой платок и протянул его Мэгги.

– Мать без платка меня из дома не выпускает, – добавил он, улыбнувшись краешком рта. – А я и не спорю, – засмеялся он. – Сама понимаешь, к жизни надо относиться проще. На, вытри.

Мэгги посмотрела на ногу. На царапине длиной в дюйм выступили крохотные бусинки крови. Мэгги взяла платок.

– Спасибо.

Она не спешила вытирать ногу – все смотрела на Эда. Ей нравилось, как кудри падали ему на глаза. Интересно, если потянуть за локон, он снова закрутится спиралькой? Ее собственные кудряшки были не блестящими, а пушистыми и непослушными. Глаза у Мэгги были бледно-голубыми, а ресницы почти бесцветными; глаза же Эда цветом напоминали рождественскую ель, и ресницы окаймляли их, словно темные иглы. Рот у него тоже был красивым, нижняя губа пухлее верхней, над которой залегла тень будущих усов. Мэгги покраснела. Она в жизни не чувствовала себя таким ребенком. Но, заглянув Эду в глаза, она задумалась о том, что могла там увидеть.

Она кое-что знала об Эде Крэддоке – помимо его имени и того, как кудри падали ему на лоб. Мэгги знала, что в минувшем феврале, поздним вечером Дня святого Валентина, его отец вышел из дома на другом конце Шарлотт-роуд и больше не вернулся.

– Ты будешь вытирать или нет? – спросил Эд.

Набухшая капля крови чуть замешкалась на конце царапины и медленно заскользила по молочно-бледной лодыжке. Мэгги промокнула ее уголком платка и стала смотреть, как крас-

⁶ Главная героиня мультсериала «Кристал Типпс и Алистер», транслировавшегося на канале Би-Би-Си в 1972–1974 годах. Имела чрезвычайно пышную прическу.

ный впитывается в белый. Эд уже догонял друзей. Мэгги, не моргая, проследила, как они свернули за угол и пропали из виду.

О Невилле Крэддоке ходили разные слухи, в основном о его интрижке. На улице – на их улице – говорили, что он «свалил», и люди, которых его исчезновение никоим образом не касалось, со злорадным весельем обсуждали какую-то «модную штучку». Но слова так и остались словами. Невилл Крэддок нигде не объявился. Никто не видел его в Саутенде, прогуливающимся под руку с этой «модной штучкой». Он как сквозь землю провалился.

Мэгги смотрела в сторону угла улицы, за который только что свернул Эд Крэддок. Ей придется хранить его образ в своей голове до тех пор, пока они не встретятся снова. Что ж, это несложно. Она сбережет в памяти каждый дюйм его лица. И обязательно увидит этого юношу опять: может, в следующую среду или на выходных – со своего поста на стене. Остаток лета она определенно проведет в надежде, что он еще раз с ней заговорит. Пусть Мэгги и решила никогда не влюбляться, если это все же случится, она непременно влюбится в кого-то вроде Эда Крэддока.

Глава третья

Шесть вечера, на острове

Мэгги терпеливо наблюдала, как синяя лодка медленно движется в ее сторону, покачиваясь на водной глади безмятежного океана. Эд по-прежнему стоял у мачты, и по мере приближения его силуэт становился все более четким.

Прежде всего Мэгги бросилось в глаза, что шорты у Эда были под стать лодке – васильково-синими – и сидели на бедрах так низко, словно были слегка ему велики. Потом она обратила внимание на его шестидесятичетырехлетние кудри, которые в последний раз видела на «Шоу Грэма Нортон» в октябре, где он был энергичным, язвительным, остроумным и ничто – вообще ничто – не предвещало того, что неделей позже он покинет Голливуд. Кудри отливали серебром и чуть подрагивали от легкого бриза. И наконец Мэгги поняла, что в шортах и красной футболке Эд выглядит подтянуто и спортивно – мышцы на руках и ногах перекатывались под загорелой кожей.

Мэгги подумала, что, скорее всего, он уже заметил ее – лодка была недалеко от берега. Но он все еще держался рукой за мачту, и выражение его лица было неразличимым.

– Привет, – крикнул Эд.

Она словно приросла к песку, как он – к лодке, движущейся прямо к ней, и теперь, когда она нашла его, путь к отступлению был отрезан. Она уже не могла сбежать к своей тихой и уютной одинокой жизни в Лондоне, к своему зеленому пледу, шуму дождя за окном и сборникам ироничных эссе на кофейном столике. Она его нашла.

Мэгги нерешительно шагнула вперед. Приближаясь к мелководью, лодка Эда гипнотически покачивалась на волнах. Горизонт вдруг тоже будто закачался. Обрывки каждого часа, проведенного с Эдом, всколыхнулись в памяти Мэгги, словно набежавшие на берег волны, и земля ушла из-под ног. Причина, по которой она приехала сюда, проделав путь длиной в двадцать часов, причина, по которой стояла на этом пляже спустя столько лет, пытаясь различить черты его лица и точный оттенок его зеленых глаз, вдруг зашаталась и утратила прочность. Мэгги больше не могла доверять зыбкому песку под ногами, как и тем решениям, что она принимала когда-либо в жизни, а также собственным инстинктам – всему, что привело ее к этому дню.

Мэгги Мартин прибыла на остров Воспоминаний, чтобы взять интервью у Эда Кавано, сбежавшего голливудского актера, звезды телевидения и кино. У Эда Кавано, которого она встретила, когда была девочкой-подростком. У человека, разбившего ей сердце. И которому разбила сердце она. У нее было двадцать четыре часа на то, чтобы выполнить свою работу. Салу и его лодка вернутся завтра к пяти вечера. Двадцать четыре часа были ее пределом. Больше она не выдержит.

– Мэгги? – окликнул ее Эд.

Она подняла руку в знак приветствия, и, пока лодка лениво приближалась к берегу, а тихий рокот мотора вторил плеску волн о борта, Мэгги успела кое-что разглядеть. Транзисторное радио на корме. Выбеленные солнцем деревянные рейки. Маленькое, скрученное валиком полотенце. Круглую серую жестянку с крышкой – для наживки? Пластиковую флягу с водой. Шест. Ведерко, полное уложенных внахлест серебристых рыбин с загнутыми хвостами. Наконец Эд заглушил двигатель, спрыгнул в воду и принялся вытаскивать лодку на песок, налегая на нее с негромким ворчанием. И вот он уже идет к Мэгги, отбрасывая кудрявые волосы назад, чтобы в следующий миг они снова упали на лицо, серебряные и жесткие от соли.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

Для актера его голос был чересчур безэмоционален. Мэгги не могла сказать, чувствовал Эд удивление или злость, хотел ли он в чем-то ее обвинить – или же ее появление ничуть его не тронуло. На лице Эда тоже не нашлось ни единой подсказки, так что, исполненная ужаса, Мэгги опустила взгляд на его ноги и ручейки морской воды, сбегавшие из-под мокрых шорт.

– Не слишком радушное приветствие, – сказала она его левой ногой, скрывая внутреннюю дрожь за напускной беспечностью. – Я, конечно, не ждала, что ты побежишь ко мне навстречу, как в замедленной съемке, и заключишь в объятия, но как будто чего-то... не хватает.

– Я исчерпал запасы таких пробежек.

Она наконец осмелилась взглянуть на Эда. Солнце светило над его правым плечом, озаряя кудри. Его глаза, такие знакомые, по-прежнему были цвета рождественской ели. Глаза, которые в последний раз смотрели на ее лицо пятнадцать лет назад, в конце продуваемого всеми ветрами пирса под пасмурным серым небом.

– Значит, ты меня нашла. – Эд сощурился. Странно было слышать его голос после стольких лет.

– О, твоя лодка. Кажется, ее уносит, – заметила Мэгги.

– Твою мать, – выругался Эд и вытащил лодку подальше на берег, чтобы она крепко засела в песке. – Надеюсь, теперь хватит, – отрывисто бросил он. Затем взял ведро с уловом, лежавший на дне лодки шест и принялся доставать рыбины по одной и насаживать их за губу на привязанные к шесту крючки. Сам шест Эд воткнул в песок, как Нил Армстронг, установивший флаг на Луне. Он собрал маленькую сеть, которая свисала в воду с кормы лодки, и сунул под мышку. Потом начал сворачивать парус, выглядевший так, словно его сшили из мешков для картошки.

Сложенный парус Эд бросил на песок. Настала очередь мачты: он открутил ее и уронил рядом с парусом.

– Можешь мне с этим помочь, – сказал он.

– Хорошо.

Шест с насаженной на крючки рыбой Эд перекинул через плечо, другой рукой подхватил парус и взялся за передний конец мачты.

– Берись за другой конец. И прихвати банку с наживкой. – Он кивнул на серебристую жестянку.

– Смотрю, ты к старости привык всеми командовать, – заметила Мэгги. – Сомневаюсь, что тебе подходит жизнь простого рыбака.

Улыбка мелькнула в уголке его губ – и тут же исчезла.

– Я вношу свою лепту, – ответил Эд. – Приношу рыбу на ужин для ребят в баре Олли.

Мэгги мысленно улыбнулась, услышав о «ребятах». Одним из героев Эда, больше всех полюбившихся зрителям, был Тим О'Шэй, сын астронавта из «Эхо-бич», а потом и «Эхо-драйв». Там он часто использовал это слово.

– Ну, молодец, уверена, Олли очень тебе благодарен.

Эд покачал головой и задержал на ней взгляд чуть дольше, чем требовалось. Зеленые глаза сверкнули на солнце. Мэгги отвернулась.

– Идем, – сказал он. – Бросим снасти у моей хижины, а потом отнесем рыбу к Олли.

Мэгги подхватила свой конец мачты – та оказалась не слишком тяжелой – и наклонилась, чтобы взять жестянку. Эд зашагал налево, Мэгги – за ним. Справа от них волны плескались о берег. Ярко светило розовато-золотистое солнце. Над головой пронеслась морская птица.

– Зачем ты сюда приехала? – спросил Эд, не поворачивая головы. Голос был таким тихим, а может, его заглушал дующий со стороны океана тропический бриз, что Мэгги едва смогла разобрать слова.

Она слотнула.

– Журнал послал меня взять у тебя интервью.

– «Сверхновая», полагаю, – отозвался Эд, продолжая идти вперед. Шест с рыбой покачивался на плече.

Последовала долгая пауза, прежде чем он снова заговорил:

– Интервью о том, почему я здесь?

– Да.

– Боюсь, тут и рассказывать не о чем. – Его голос окреп. – Мне понадобилась передышка, вот и все. Я устал. Прости, что разочаровал. Можешь возвращаться. Ну, не прямо сейчас. Сначала помоги донести снасти.

– Что ж, я не могу просто так уехать, – ответила Мэгги. – Лодка вернется за мной только завтра. Раньше выехать не получится.

– У меня тоже есть лодка, – напомнил Эд.

Мэгги не ответила. Она не сводила взгляда с его ног. Из-под загорелых пяток летел мягкий песок.

– Сюда. – Эд повернул мачту, и Мэгги вместе с ней, к пальмовой роще, окаймлявшей берег. – Моя хижина там.

Глава четвертая

18:00, 26 августа 1971 года

Эд Крэддок шел по Шарлотт-роуд, на сей раз один. Без компании. И не напоминал героя с обложки альбома. Руки он держал в карманах, на его футболке сияло солнце, и, дойдя до стены, на которой сидела Мэгги, он остановился. Прошло две недели с тех пор, как Эд поцарапал ей ногу палкой и одолжил платок, и сегодня она наблюдала за ним с той самой секунды, как он вышел из калитки своего дома.

– Твоя мама ведь работает на пирсе? – спросил Эд.

– Да, – ответила Мэгги. Она просидела здесь почти час. – Откуда ты знаешь?

– Приятель сказал. Он знает твоего отца по рабочему клубу⁷.

– Понятно.

«Интересно, что за приятель?» – задумалась она. Мэгги поймала себя на том, что смотрит на Эда прищурившись. Несмотря на вечерний час, солнце все еще припекало. На Мэгги были джинсовые шорты с нашивкой «Семья Партридж»⁸ на заднем кармане и белая футболка с красной окантовкой на воротнике и рукавах. Слава богу, она надела лифчик – мама, наконец, согласилась его купить. Мэгги надеялась, что Эд заметил бретельку, которая на дюйм сползла с ее плеча.

– Говорят, отца видели в тех краях. – Эд нахмурился, глядя на тротуар и ковыряя носком кроссовка нижний кирпич в стене. – В ту ночь, когда он пропал. Ты же слышала? Ну, о моем отце? – Он поднял на нее глаза, серьезные, ясные, полные тихой печали, и Мэгги чуть не упала со своего «наседы».

– Да, – ответила она. – Наверное, все слышали. Прости, – добавила она, почувствовав, что нужно извиниться. Мэгги часто размышляла о том, что люди говорят о Невилле Крэддоке, отце Эда. О том, почему он исчез так внезапно. Обо всех домыслах и предположениях. Он может быть где угодно, подумала она.

– Одна женщина из городского совета была на пирсе, – продолжал Эд. – Выходила из боулинга «Верхняя палуба». Она сказала, что зашла в киоск твоей мамы купить жареной картошки. Я подумал, может, спросишь у нее, вдруг она что видела?

– Разве этим не должна заниматься полиция? – спросила Мэгги.

– Полиция и пальцем не пошевелит, – сказал Эд. – Но все равно, – добавил он, – может, она что-то видела? Твоя мама. Она вообще видела его там? По вечерам он часто уходил гулять на пирс. Может, она его видела?

– Мама не работает по вечерам. Она заканчивает в шесть.

– О! – Вид у Эда сделался немного сердитый.

– Но я спрошу ее, когда вернусь, – сказала Мэгги, отчаянно стараясь быть полезной. – На всякий случай.

Эд посмотрел на нее с презрением, которого она заслуживала, и снова засунул руки в карманы. Он уже собрался уходить, как вдруг Мэгги выпалила:

– Ты мог бы поискать улики. Ну или *мы* можем поискать их вместе. На пирсе.

– Какие улики? – развернулся Эд. Он вынул руку из кармана и задержал ее в воздухе. – Полиция уже искала. У моего отца была цепочка с его инициалами. Он часто терял ее, потому что на ней была хитрая застежка. Ее искали и не нашли.

⁷ В клубах для рабочих, действовавших в Англии с середины XIX века под руководством представителей общественных движений, духовенства, интеллигенции, обсуждались общественно-политические вопросы, читалась художественная литература, устраивались праздники.

⁸ Американский комедийный музыкальный сериал, шел по телевидению в 1970–1974 годах.

– Могли остаться и другие следы, – не унималась Мэгги. – Твой отец курил?

Мэгги нравилось рассуждать об уликах. И тайнах. Она почти еженедельно брала в библиотеке Саутенда детективы Агаты Кристи и буквально проглатывала их. Прошлым летом она заказала набор детектива с задней обложки журнала комиксов «Беано»: лупу, блокнот и пластиковые усы для маскировки.

– И что же ты будешь с этим делать? – спросил отец, весело глядя на нее из-под густой челки. – Рыскать по окрестностям, раскрывая преступления?

Он сказал, что природа одарила Мэгги «утомительным любопытством», и она восприняла это как комплимент.

– Да, – кивнул Эд. – Папа курит.

– Тогда мы могли бы поискать бычки от сигарет, если он курит какую-то конкретную марку. Может, они до сих пор там.

– Думаешь? – спросил Эд. – Он курит «Ротманс». У них золотой ободок, и он никогда не докуривает сигарету до конца.

– Ну вот, – вдохновилась Мэгги. – Можем поискать бычки. – Она прекрасно понимала, что оба ведут себя глупо. На то были причины у каждого из них.

Она спрыгнула со стены и зашагала рядом с Эдом. Мэгги боялась, что, когда закончатся каникулы, то есть через неделю, она больше его не увидит. Ей не разрешат торчать на стене, раз нужно будет делать домашку, да и темнеть станет раньше. При мысли об осени Мэгги приуныла. Сидеть дома с мамой, папой и Стиви. Долгие вечера перед газовым камином. Запеканки на ужин, колючие свитера.

Они перешли дорогу, чтобы повернуть налево, на Дэвис-стрит, и направились к морю. Срезали путь через огромную автостоянку перед ночным клубом «ПОЮ» («Поговорим о юге») и спустились по объездной дороге, чтобы пересечь эспланаду. Покинув Шарлотт-роуд, они не перемолвились и словом. Мэгги не хватало духу. Но когда слева от них показалось море, серозеленое, мутное в лучах заходящего солнца, она повернулась к Эду:

– Как думаешь, что с ним случилось? Ну, с твоим отцом.

– Не знаю, – угрюмо ответил Эд. Он пнул крышку от бутылки, та отлетела в канаву.

– Может, стал бездомным? – предположила Мэгги. Вдруг они найдут его сегодня вечером приткнувшимся в грязном спальном мешке перед отелем «Дворец» и просящим милостыню?

– Зачем ему становиться бездомным? – фыркнул Эд, и Мэгги поняла, что он опасно близок к тому, чтобы сказать: «Не говори глупостей», но его учили быть вежливым даже с такими дурочками. – Иногда люди просто уходят, – мрачно продолжил он. – В моей семье такое случается не в первый раз.

– Да? – заинтригованно посмотрела на него Мэгги.

– Брат моей бабушки сделал ноги.

– Сделал ноги? – Она не слышала такого выражения.

– Ага. Просто однажды после работы ушел со всеми сбережениями и сел на пароход до Нью-Йорка.

– Ничего себе! Нью-Йорк!

Мэгги нигде не бывала. Вернее, как-то раз она ездила в Кент, на скучный до зевоты семейный праздник. А вот за границу – никогда. Девчонка из ее школы, только классом постарше, ездила в Диснейленд, и у Мэгги это не укладывалось в голове. Подумать только! Она примеряла на себя ежегодные поездки Джейни в Грейт-Ярмут и отчаянно завидовала аттракционам и развлечениям, как будто они были экзотическими лишь потому, что находились где-то далеко *отсюда*.

– И не вернулся?

– Нет. Как приехал, отбил телеграмму, что добрался благополучно, но на этом все и закончилось. Больше его здесь не видели. Так что, возможно, это семейное.

– Думаешь, твой папа уплыл на корабле в Нью-Йорк?

– Нет, он не любитель больших городов. Скорее на какой-нибудь тропический остров, как в «Робинзоне Крузо». Необитаемый.

– Я смотрю этот сериал, – сказала Мэгги, вспоминая стремительную печальную музыку, которая напоминала шум волн, разбивающихся о берег.

– Я тоже. – Он посмотрел на нее, слегка наклонив голову, затем отвел взгляд. – Папа любит море.

Эд уставился на воду. У берега качались пара ветхих лодок и два грязных буйка. На пляже было несколько отдыхающих. Валялась чья-то ветровка.

– И пляж, но только не галечный, как здесь. Он всегда говорит о белом песке, пальмах, кокосовых орехах. У него есть мечты, – добавил Эд, – мечты за пределами Саутенда. Он хочет побывать в разных местах, что-нибудь совершить. Может, сейчас он там, за пределами этой гребаной дыры, занимается тем, о чем мечтал.

Мэгги покраснела, услышав ругательство. Она никогда раньше не слышала этого слова, только «придурок» и «сволочь» – их иногда употребляла мама, когда сердилась. Она не была уверена, что Саутенд – «гребаная дыра». Да, местечко скучное, набившее оскомину, но вполне пригодное для достойной жизни. Так, во всяком случае, говорили ее родители.

– У него есть книга «Острова Индийского океана». Его любимый – остров Воспоминаний. Там гигантские черепахи и голубая лагуна, и вроде бы там живет самый старый человек в мире. У папы эта книга всегда под рукой.

Мэгги окинула взглядом пляж. Темные воды. Затонувшие баржи. Промысловые шхуны. Она рассмотрела вдали электростанцию, гадая, добрался ли Невилл Крэддок туда на маленькой лодке, – быть может, это стало первой частью долгого путешествия прочь от семьи. Возможно, будь он скрытным человеком, он смог бы это проверить. Оставить всех в неведении и бежать на необитаемый остров. Остров Воспоминаний. Себя-то Мэгги считала как раз довольно скрытным человеком. Иногда она скрывала свои чувства. Мама часто спрашивала Мэгги, не чувствует ли она себя виноватой, и она всегда отвечала отрицательно.

– Да, – согласилась Мэгги. – Возможно, он отправился на необитаемый остров, чтобы заняться чем-нибудь невероятным, а потом вернуться.

– Возможно. – Эд снова сунул руки в карманы. – Кто знает.

Они проходили мимо стеклянного ящика с движущимися восковыми фигурами в натуральную величину – это был один из самых известных пиратских аттракционов на набережной, располагавшийся перед точной копией «Золотой лани»⁹: съжившийся человек в коричневых лохмотьях опускал голову как раз вовремя, чтобы уклониться от кривой сабли, которой замахивался нависший над ним пират. Обычно Мэгги могла простоять перед ними как замороженная несколько минут. Но сегодня вечером она осталась равнодушна к этому жутковатому зрелищу.

– Что ж, пойдем искать окурки, – предложила она.

На до сих пор открытых прилавках вращались ветряки. С Игровой площадки Питера Пэна доносился пронзительный визг. Кто-то, забавляясь, высунул руку из кабинки на самом верху колеса обозрения. Эд с Мэгги подошли к киоску ее матери, где продавали рыбу с жареной картошкой. Киоск уже не работал: белые рольставни были опущены, табличка с надписью «Свежий улов каждый день!» убрана. Мэгги знала, что свою часть прилавка внутри мама укрыла красным полотенцем. Отсюда Мэгги видела серый галечный треугольник пляжа. Там на пронзительно-желтом, как яичный желток, полотенце сидел, вытянув перед собой бледные ноги, одинокий мужчина.

⁹ «Золотая лань» – английский галеон, который стал вторым в истории кораблем, совершившим кругосветное плавание. Капитаном «Золотой лани» был Фрэнсис Дрейк.

– Вот, – сказал Эд, протягивая ей окуроч с золотым ободком.

– Хорошо, – кивнула Мэгги. – Замечательно. Посмотрим, получится ли найти еще один.

Она прошлась взад и вперед в радиусе пяти метров, но не увидела ничего, кроме мостовой, деревянной палочки от мороженого и обертки от конфет «Черный Джек». Тогда Мэгги увеличила радиус поиска. Она хотела порадовать этого юношу с грустными глазами. Хотела найти след из окуроч, как в сказке про Гензеля и Гретель, который привел бы его к отцу.

Эд подобрал еще один бычок, но тут же разочарованно бросил его на землю. *Не та марка.* Мэгги гадала, надолго ли их хватит, ведь дело было явно безнадежное, но она совсем не возражала против того, чтобы потратить время. Поскольку это было время, проведенное с ним. Только он и она. Мэгги хотелось думать, что Эд выбрал ее, хотя, конечно, это было не так. Она сама предложила эту глупую затею с поиском улики. Но все равно было в этом что-то особенное для нее. Что-то очень важное.

– Давай попробуем в той стороне, – предложил Эд, и она последовала за ним к бетонным ступеням, ведущим на пляж.

Мужчина на желтом полотенце теперь лежал на спине, наслаждаясь пасмурным вечером. Ступни он развел врозь на манер балерины. Эд опустил на серую гальку и скрестил ноги, хмуро глядя на пустынное море. Мэгги нерешительно присела рядом, галька похрустывала и впивалась в кожу. «Неужели Эд действительно думает, что его отец забрался в шлюпку и отплыл к новым горизонтам от Саутенд-бич?» – подумала она. Может, Невилл сейчас вытянулся на золотом песке острова Воспоминаний, скрестив руки за головой и пребывая в блаженном неведении о том, что его сын в Саутенде рыщет по улицам в поисках окуроч? Ведь куда более вероятно, что он живет с какой-нибудь женщиной в Хэдли, ест бобы на тосте, закутавшись в давно не стиранное стеганое одеяло, и старается не подходить к окнам, чтобы рано или поздно прийти в себя и отправиться домой.

– Еще один! – воскликнул Эд, вытаскивая окуроч, зажатый между двумя камнями. – Хотя нет, это не «Ротманс». – Он с отвращением бросил бычок на землю.

Мэгги устала на свои ноги. Красные босоножки с открытым носком, которые мама купила прошлым летом, уже были ей маловаты и выглядели такими детскими. Ногти на ногах смотрелись неопрятно. Она поджала пальцы, пытаясь спрятать их от посторонних глаз.

Эд хмуро глядел на горизонт. Упрямый завиток упал ему на глаза, и он нетерпеливо смахнул его. Мэгги молча сидела рядом и тихонько изучала его красивый профиль, стараясь не выдать своего восторга. Она знала, что должна сбереечь в памяти это мгновение. Она была уверена, что этот миг – когда небо над Саутендом до самого горизонта затянуто облаками, а волны накатывают на тоскливый берег – все, что ей отведено. Этот странный, дивный вечер будет единственным в своем роде.

– По субботам мы с отцом рыбачили в конце пирса, – сказал Эд. – Утром.

– Как мило.

Ему будто не понравились ее слова.

– Теперь, понятное дело, никакой рыбалки, – проворчал он.

Повисло молчание.

– Этому пляжу далеко до того, что показали в «Отныне и вовеки веков», да? – пробормотал он в конце концов.

– Ты о чем?

– Фильм такой есть. С Деборой Керр и Бертом Ланкастером.

Мэгги озадаченно посмотрела на него.

– Там еще Фрэнк Синатра снимается.

– О, – сказала Мэгги. – Точно. Фрэнк Синатра.

– Хороший фильм. Посмотри как-нибудь. Одну сцену там снимали на потрясающем пляже на Гавайях. Ничего общего с этим убожеством. Там песок. Белый песок. Как в раю.

Это... романтично. Ну, сцена романтическая. – Эд смутился. Наверное, понял, что говорит о романтике с какой-то рыжей девчонкой в сандалиях не по размеру. – Тебе нравится Берт Ланкастер?

– Не знаю, – честно ответила она. В памяти всплыли имена нескольких актеров: Роберт Митчем, Кирк Дуглас, Чарлтон Хестон.

– А «Пловца» ты смотрела?

– Нет. – Мэгги покачала головой. – О чем он? – Она мысленно обругала себя за невежество, ковыряя носком сандалии большой грязный камень. Пальцы она по-прежнему держала поджатыми.

– О человеке, который переплывает все бассейны на задних дворах своих соседей, чтобы добраться домой. И в конце обнаруживает, что дома-то уже нет. Восхитительный фильм. Я люблю кино. – Эд пожал плечами. – Даже старое. Мюзиклы и все такое. Только своим приятелям я об этом не говорил. – Он бросил на Мэгги взгляд, в котором читалось предупреждение. Во всяком случае, так ей показалось.

– Ну я-то им точно не скажу, – заверила она его. – Можешь на меня положиться.

«Старые фильмы, значит?» – подумала Мэгги. Последним фильмом, который посмотрела она, был «Возвращение Розовой пантеры», и она уже почти забыла, о чем он. Повисла долгая пауза, они оба смотрели на море.

– Мне жаль, – наконец сказала она, – что так вышло с твоим отцом. Наверное, ты жутко расстроен.

– Ну. – Эд повернулся и посмотрел на нее своими огромными зелеными глазами. Он выглядел удивленным, словно прежде никто ничего подобного ему не говорил. – Да. Ты права, я жутко расстроен.

Мэгги ждала.

– Я все надеюсь, что он вот-вот откроет дверь, зайдет в дом, бросит ключи на кухонный стол, а мама недовольно цокнет языком и уберет их в ящик. Так странно, что его нет. Что он просто взял и ушел. Ты знаешь, я уверен... – Он замялся.

– Я слушаю, – сказала она, чувствуя себя как никогда взрослой.

– Если бы он умер, то есть на самом деле умер, то я бы узнал об этом. Я правда думаю, что я бы почувствовал. – Эд вздохнул. – Но я не знаю. Просыпаюсь каждое утро и понятия не имею, где мой отец... – Он горько рассмеялся. – Боже, поверить не могу, что рассказываю все это ребенку.

Последние слова больно задели Мэгги, хотя в то же время она мысленно улыбнулась, пусть ей и было совестно, ведь Эд так переживал из-за отца. Но он позволил ей заглянуть в потаенный уголок своей души, и от этого Мэгги была на седьмом небе от счастья.

– Уверена, с ним все в порядке, – слабым голосом произнесла она, потому что это не было фактом, а Мэгги нравились факты. – Скорее всего, он где-то неподалеку, – добавила она, как будто отец Эда был собакой, которая убежала с заднего двора, проскользнув под изгородью за соседской кошкой. А потом спохватилась, что версия про «неподалеку» никак не сочетается с историей о том, что Невилл Крэддок отправился на чудесный необитаемый остров. Теперь она не знала, что сказать.

– Пойдем домой, – сказал Эд.

У Мэгги упало сердце. Они вернутся на Шарлотт-роуд, и больше он никогда с ней не заговорит. Не упомянет об этом вечере, когда встретится с друзьями, не скажет им, что бродил по берегу и искал отца с четырнадцатилетней соседской девчонкой, которая частенько сидит на садовой ограде. И когда он в следующий раз будет идти по их улице, пересчитывая палкой кирпичную кладку, то будет внимательно следить за тем, чтобы не задеть Мэгги.

Обратно они шли молча; Мэгги едва переставляла ноги, а Эд шагал быстро. Когда они переходили дорогу к стоянке, им просигналил грузовик, и Эд легонько потянул ее за локоть,

чтобы она не попала под колеса. Мэгги польщенно улыбнулась в ответ на его прикосновение. Он защитил ее от опасности. Но на углу Шарлотт-роуд Эд буркнул:

– Ну, увидимся.

– Увидимся, – ответила Мэгги.

Едва переступив порог родного дома, она поняла, что у нее большие неприятности. Вся семья собралась в гостиной. Мама сидела на диване, у нее на ногах, лежащих на пуфе, словно сфинкс, устроился рыжий кот Мармелад. Папа стоял у окна со своей дурацкой трубкой, в летней домашней «униформе», состоящей из футболки и темно-синих шорт. Стиви, как Дэвид Боуи, с голым торсом развалился на ковре и листал местную газету «Саутенд газетт», делая вид, что ищет работу.

– Где тебя носило? – спросил отец, стараясь не показывать волнения.

Лжец из Малкольма был никудышный; как и Мэгги, он совсем не умел скрывать эмоции. У него было открытое, выразительное лицо, круглые глаза, которые с готовностью щурились от восторга или удивления, и рот, который легко растягивался в широкой улыбке. Мэгги сомневалась, что у него были «мечты», как у Невилла Крэддока, или что его когда-либо одолевало желание покинуть «эту гребаную дыру» или семью. Работу свою отец ненавидел, но всегда говорил, что вечера, проведенные дома, и выходные помогают справляться с ней. Он любил пропустить стаканчик и попеть песни. Он смеялся над тем, что показывали по телевизору. Он жил ради жены и детей, вот что он всегда говорил людям. Однажды Мэгги услышала, как ее бабушка, мамина мама, назвала папу никчемным, но Мэгги знала, что это неправда.

– Я просто гуляла, – сказала она.

– Где гуляла?

Мэгги и в голову не приходило, что родители могут о ней беспокоиться. Что папа встретится. Но сейчас у него между бровями залегла морщинка, которая появлялась там очень редко.

– По берегу.

– И чем ты там занималась?

– Просто бродила.

– Хорошо. Прощу тебя, Мэгги, больше не ходи туда одна. Никогда не знаешь, на кого наткнешься.

– Прости, пап. – Охватившее Мэгги подростковое смущение недвусмысленно намекало, что про Эда Крэддока она родителям не расскажет.

– Милая, мы волновались, – сказала мама. А Мармелад дернул хвостом. – Я посмотрела на стену, а тебя там не было.

– Прости, мам.

Светловолосая и голубоглазая Сандра была мягкосердечной матерью. Порой она использовала крепкие выражения – если думала, что ее никто не слышит. И, сидя перед газовым камином, тоже с удовольствием подпевала Нилу Даймонду или Элтону Джону, любимым папиным исполнителям, время от времени поправляя отца, который знал слова не так хорошо, как она, и отбивая ритм пальцами по подлокотникам своего кресла. Мама любила лимонад и чашку доброго чая.

– Да за парнями бегала, – сухо подметил Стиви. В последнее время он начал манерно растягивать слова, подражая Джаггеру. Стиви подергал себя за жидкую прядь волос на затылке. – Я видел, как она сидела на стене, выглядывала Эда Крэддока и его приятелей.

– Заткнись, Стиви, – пробубнила Мэгги.

– Ну-ну, – примирительно проговорил отец. – Не будем ссориться. Мы рады, что ты дома.

– Да, наша дочка дома, – сказала мама и улыбнулась папе.

Тревожная складка меж его бровей разгладилась.

– Что ж, тогда иди к себе, – подытожил отец, – и больше так поздно не гуляй. Не забывай, на нашей улице пропал человек. Хватит с Саутенда исчезновений.

– Он уплыл на необитаемый остров, – шептала Мэгги, поднимаясь по лестнице. Сердце ее переполняло сочувствие к Эду Крэдоку и его пропавшему отцу. У нее из головы не шло, как сильно Эд был расстроен, но только с *ней* мог поделиться своими чувствами. И весь этот вечер – если бы кто-нибудь спросил Мэгги о нем, она, возможно, поддавалась бы искушению и со всей искренностью ответила, что он был чудесным.

– Спокойной ночи, милая, – крикнул папа ей вслед.

– Спокойной ночи, дорогая, – крикнула мама.

– Спокойной ночи. – Мэгги открыла дверь своей спальни и загадала, чтобы ей приснилось, как она сидит на пляже, выглядывая окурки с золотым ободком, и Эд легонько трогает ее за локоть, когда они переходят дорогу, и, может быть, думает, что для нескладной рыжей девчонки она очень даже ничего.

Глава пятая

Семь вечера, на острове

Хижина Эда стояла на поляне, густо заросшей кустарником. С виду она напоминала сарай, сколоченный из выцветших досок, которые грозили вот-вот рухнуть, с крышей из потрепанных пальмовых листьев. На мир хижина глядела перекошенным окном, а дверь можно было опознать только по ржавой ручке. В довершение всего постройка явно заваливалась на левый бок.

– Не совсем Бэль-Эйр¹⁰, – сухо прокомментировал Эд.

Прислонив шест с рыбой к стене хижины, он забрал у Мэгги мачту и поставил ее рядом с шестом. Мэгги опустила на землю жестянку с наживкой и смотрела, как Эд открыл дверь и оставил ее болтаться на петлях.

– Дом, милый дом.

Мэгги заглянула внутрь. Хижина была обставлена просто: узкая кровать с белой подушкой и простыней, полосатое хлопковое одеяло, сложенное в ногах, чисто выскобленный стол и стул из ротанга. В углу – небольшая плита с газовым баллоном. Крошечный холодильник. Высокий шкаф.

– Ну как тебе? – Эд занес в дом мачту, парус и жестянку, оставив шест с рыбой у внешней стены. Снасти он разложил на деревянном полу.

– Здесь очень мило, – сказала Мэгги, стараясь сохранять спокойствие в его присутствии и ничем не выдать своих чувств. – Хотя, конечно, это не то, к чему ты привык, – добавила она, памятуя о том, что Эд много лет прожил на огромной вилле в стиле Тюдоров в Беверли-Хиллз. Ему принадлежал участок в три акра с бассейном в форме сердца и домиком у бассейна, который был в пять раз больше этой лачуги. – А где ванная комната?

– За домом есть огороженная площадка, – ответил Эд. – Холодная вода, свежий воздух – самое то для бодрости духа. Я готовлю на этой штуке. – Он ткнул пальцем в газовую плиту в углу. – В основном рис и бобы. Ничего особенного.

– Прямо как в «Робинзоне Крузо», – заметила Мэгги, бросая взгляд в единственное окно, куда наперебой стучались остроконечные листья папоротника.

– Мне нравится, – пожал плечами Эд. – Это место идеально мне подошло.

Его зеленые глаза сверкнули сталью, как за ними иногда водилось. Он злится? Злится, что она приехала сюда?

– Не хочешь присесть? – спросил он, придвигая к ней ротанговый стул.

У Мэгги мелькнула мысль, что, когда она начнет садиться, он выдернет стул прямо из-под нее.

– Ты, наверное, устала. Долго добиралась?

– Кажется, миллион лет, – ответила она, садясь и чувствуя себя неловко на этом единственном стуле посреди хижины.

По лицу Эда скользнула тень улыбки.

– Мне нужно отнести рыбу Олли. Полагаю, ты хочешь пойти со мной?

– Да, хорошо, конечно.

– Отлично, тогда я сначала ополоснусь. Хочешь чего-нибудь выпить?

– Да, спасибо.

– Чего желаешь?

– А что у тебя есть?

¹⁰ Фешенебельный район в западной части Лос-Анджелеса.

Эд открыл высокий двустворчатый шкаф. В левой половине имелось две полки: на нижней хранилась сложенная одежда, на верхней – пара чашек, тарелок и две стеклянные бутылки с темной жидкостью. Справа на проволочных вешалках, скрученных, похоже, вручную, висели рубашки, а между ними загадочно поблескивало медовым цветом полированное дерево.

– Ром с колой? – предложил Эд. – Льда нет. Стакан только пластиковый. Уж прости.
– Идеально.

Эд смешал напитки и протянул ей стакан. Она наблюдала, как он достал с нижней полки шорты и футболку – ту самую, кораллово-розовую, с пальмой на груди (Мэгги с удивлением узнала ее), которая была на Эде в тот страшный день на Венис-бич в Калифорнии пятнадцать лет назад.

Он сунул одежду под мышку.

– Не хочешь посидеть на улице, пока ждешь?

– Да, было бы здорово.

Мэгги встала, и Эд выставил стул перед хижинкой.

– Ты хорошо выглядишь, Мэгги Мэй, – сказал он, когда она снова села. Эд на мгновение задержал на ней взгляд, в нем как будто мелькнуло удивление.

– Я уже старая. – Она коротко улыбнулась и отвела глаза.

– Ты никогда не станешь старой, – сказал Эд, и, когда Мэгги посмотрела на него, он одарил ее знаменитой улыбкой Эда Кавано, которая сводила зрителей с ума. Она искрилась дерзким озорством, будоражила, таила в себе соблазнительный намек на уязвимость. – Ладно. – Эд похлопал по футболке и шортам. – Пора в душ.

Когда он скрылся за хижинкой, Мэгги вздохнула с облегчением, радуясь, что наконец-то осталась одна. Ей нужно было привыкнуть к его обществу. Закинув ногу на ногу, она потягивала ром с колой и любовалась океаном, обрамленным покачивающимися листьями гигантской пальмы. Желтогрудая птичка перелетала с ветки на ветку оливкового дерева. Вдали урчал лодочный мотор, тихо журчала вода в трубе душа. Мэгги знала, что Эду нравится ощущение бегущей по телу холодной воды. Она представила, как ледяная струя разбивается о загорелую кожу. Не следовало ей думать о таком. О том, какими они оба были раньше. Ей нужно было делать свою работу, и чем быстрее пройдут эти двадцать четыре часа, тем лучше.

«С чего же начать статью?» – размышляла она, сидя возле покосившейся деревянной хижинки со стаканом в руке. С того, как Эд плыл к ней на своей лодке, пока она в одиночестве стояла на пляже под бескрайним синим небом? Или с того, как Эд возился в своей скромной хижине, доставая бутылку из шкафа, в котором хранились его нехитрые пожитки? Или с описания Эда в других уголках острова, о которых она еще не знала? Мэгги гадала, когда наступит подходящий момент, чтобы отдать ему письмо, лежавшее на дне ее рюкзака. В который из этих двадцати четырех часов она наберется смелости?

Эд показался в дверях, промакивая мокрые кудри тонким полотенцем. На нем были бежевые шорты и коралловая футболка с пальмой.

– Готова? – спросил он, прислонившись к грубым доскам хижинки.

– Да, – ответила Мэгги, хотя сама не знала, готова ли она. К его вьющимся волосам, зеленым глазам и загорелой коже. К нему. Ко всему, что произойдет в ближайшие несколько часов.

– Ты по-прежнему сама фотографируешь? – поинтересовался Эд, прикрывая за собой дверь. Он указал на камеру «Минолта», которая висела на кожаном ремешке у Мэгги на шее.

– Да. – Она занималась этим не первый год.

– Не хочешь снять меня перед моей скромной обителью?

– Почему нет?

И Эд Кавано, кинозвезда мирового масштаба, встал перед своим маленьким домом на далеком острове и улыбнулся. А Мэгги сделала несколько фото.

– Ну, пойдём, – сказал он, когда она закончила, и, тронув Мэгги за локоть, повел её в тёплый вечер.

Глава шестая

Семь вечера, 28 июня 1975 года

День, когда восемнадцатилетняя Мэгги снова встретила Эда Крэддока, начался как обычно, без намеков и обещаний чего-то большего. С утра она отвезла маму в банк на Хай-стрит («У меня левое колесо разболталось. А ты вроде сегодня не слишком занята, милая? Не могла бы ты пойти со мной?»), и ничто не предвещало, что вечером того же дня случится чудо и Эд Крэддок пригласит ее на свидание.

Успешно сдав выпускные экзамены, Мэгги планировала провести субботу за чтением в своей комнате, заскочить после обеда в библиотеку, а вечером посмотреть на Линдси Вагнер в «Бионической женщине». Музыкальное сопровождение к сериалу всякий раз заставляло ее плакать, но это были приятные слезы. Возможно, всему виной было то, что Джейми Соммерс заменила недостающие части своего тела на лучшие, а в жизни так не бывает¹¹.

– В «Бутс» не хочешь заскочить? – спросила Мэгги, когда после банка катила маму по Суон-стрит.

– Было бы чудесно, милая. Поглядим, что у них есть из косметики.

Мэгги остановилась у двустворчатых дверей магазина «Бутс» и открыла одну из них ногой. Мужчина в костюме придержал для них вторую.

– Спасибо, – хором сказали Мэгги с мамой, и мужчина снисходительно им улыбнулся.

Сандра оказалась прикована к инвалидному креслу спустя пару недель после появления на свет Мэгги: роды спровоцировали иммунное расстройство, из-за которого Сандру парализовало ниже груди. Когда Мэгги достаточно подросла, чтобы осознать случившееся, Сандра заставила ее пообещать, что та никогда не будет винить себя в недуге матери. Время от времени она повторяла эту просьбу: летними днями, зимними вечерами, на Рождество и обязательно в марте, на день рождения Мэгги, – и голубые глаза Сандры всякий раз блестели от любви и слез. Но Мэгги все равно чувствовала себя виноватой. Каждый божий день. До ее рождения Сандра Уолш была танцовщицей и выступала в составе «Девушек Тиллера» в 1950-х. Судя по фотографиям в ее альбоме, мир тогда был черно-белым, а не рыже-коричневым – как сейчас. Она приехала в Лондон из Корка в поисках счастья, уверенная в себе, красивая, талантливая, и танцевала в ряду девушек, похожих на одинаковых кукол, которые держались за руки, чтобы не упасть. Она не раз выступала в шоу «Воскресная ночь в лондонском Палладиуме». Танцевала в «Королевском варьете» перед самой королевой. И однажды она повстречала отца Мэгги, который приехал в Лондон из Саутенда с мамой. Благодаря розыгрышу на пачке кукурузных хлопьев он выиграл билет на «Воскресный вечер в лондонском Палладиуме», который включал в себя пропуск за сцену. Парень был очень красивым и добрым, очаровательно глупым и веселым, поэтому Малкольм и Сандра влюбились друг в друга без оглядки.

«Это было похоже на сказку, – всегда говорила мама. – И я до сих пор в ней, потому что у меня есть Стиви и у меня есть ты, а ты стоишь десяти миллионов выступлений в лондонском Палладиуме и десяти миллиардов танцев. Вы оба стоите».

Мэгги не верилось, что она стоит десяти миллиардов танцев. Не верилось, что счастье ее рождения перевешивало горе от инвалидного кресла. Но ей жилось куда проще, пока она говорила маме, что не чувствует себя виноватой, проглатывая сомнения и не решаясь их озвучить. А вот Стиви, похоже, искренне считал, что стоит десяти миллиардов танцев.

¹¹ Главная героиня телесериала «Бионическая женщина» Джейми Соммерс в исполнении американской актрисы Линдси Вагнер едва не погибает во время неудачного прыжка с парашютом и переносит сложную хирургическую операцию, в результате которой становится первой женщиной-киборгом.

– Ничто не вечно. – Сандра часто завершала этими словами рассказы о своих днях в «Девушках Тиллера», но Мэгги все равно считала, что жизнь несправедлива и некоторые вещи могли бы длиться куда дольше.

После магазина «Бутс» Мэгги и Сандра отправились домой. Путь до банка был неблизкий. До Шарлотт-роуд ходил автобус, но с инвалидной коляской туда было просто не войти. Возможно, кому-то в восемнадцать лет было бы неловко катить по улице свою мать в инвалидной коляске, но только не Мэгги. Ради мамы она держалась невозмутимо и жизнерадостно, где бы они ни были.

После обеда позвонила Джейни и сказала, что сегодня вечером в «Белом жеребце», где всем заправлял Тревор, отец ее босса, будет играть одна группа и им обязательно нужно пойти. По словам Джейни, Тревор искал кого-нибудь, кто мог бы наложить зрителям грим в стиле глэм-рок и перевести «татуировки». Обещал заплатить по десять шиллингов. Ведь Мэгги согласится?

– Но где мы возьмем материалы? – спросила Мэгги. Она сидела на нижней ступеньке лестницы в прихожей и наматывала на большой палец телефонный шнур. – Краску для грима и татуировки?

– Купим в магазине канцтоваров на Черч-роуд, – ответила Джейни. – Тревор вернет нам деньги. Кто знает, – добавила она, – может, сегодня мы встретим там отличных парней. Видит бог, в офисе у меня уже никого не осталось.

Джейни работала бухгалтером в небольшой типографии и действительно успела повстречаться со всеми коллегами младше тридцати трех. Она активно устраивала свою личную жизнь, не останавливаясь на одном варианте – зачем, если вокруг такое разнообразие, что голова идет кругом? Джейни была веселой девушкой и яркой бунтаркой. Вечеринки, куда Мэгги ходила с Джейни, были самыми отвязными, и сегодняшняя обещала стать одной из таких.

– Было бы неплохо встретить там достойных парней, – согласилась Мэгги. – Но добавлю, что для тебя.

– Точно. У тебя-то есть долгоиграющий Глен, – сказала Джейни. – Какое длинное слово! Я же правильно сказала: долгоиграющий? Ты же у нас башковитая. Взяла продвинутый курс по английской литературе.

– Все так, – ответила Мэгги. В старших классах ей нравились занятия по английской литературе, социологии и истории. Она корпела над «Великим Гэтсби» и «Грозовым перевалом», часами засиживалась с историей Тюдоров и нюансами социальной мобильности. Теперь ей нужно было только дождаться результатов экзаменов. И насчет Глена Джейни тоже была права, но сейчас Мэгги все устраивало.

* * *

В саду возле паба толпился народ. Большинство уже успели пропустить по кружке, поскольку явились сюда после работы, и пребывали в добром расположении духа. Посетители наслаждались теплом. Это был один из вечеров середины лета, когда листья на деревьях впитывают остатки солнечного света и тепла до последней капли. Когда над головами кружит мошкара, а воздух наполнен одурманивающе сладкими ароматами земли и кустарников. Когда напитки в стаканах недолго остаются холодными и все радуются, что после заката необязательно натягивать на себя джемпер.

Мэгги с Джейни протолкались сквозь смеющуюся толпу к импровизированному бару в глубине сада. Каждая несла по пластиковой коробке: Джейни – с разноцветными красками для лица и баночками с блестками, Мэгги – с переводными картинками: звездочками, молниями и бриллиантами. Из них при помощи мокрой губки она собиралась делать временные татуировки.

Джейни сунула коробку под мышку и вытащила кошелек из заднего кармана клешей.

– Я такая толстая, – пожаловалась она. – Просто жирная корова.

– Что ты такое говоришь? – Мэгги тоже убрала коробку под мышку и достала из своей сумки крошечный кошелек с магнитной застежкой. – Ты прелесть.

Джейни отличалась раздражающей способностью вечно себя принижать.

– Нет! Я похожа на мешок с картошкой.

– Да хорошо ты выглядишь.

Они обе надели джинсы клеш и замшевые топы в цыганском стиле. Миниатюрные и совершенно непрактичные сумочки с кисточками болтались у них на бедрах на двойных шнурах.

– Прекрати заниматься самобичеванием.

– Звучит как-то неприятно. Ох уж эти твои громкие слова, Мэгги Мартин.

– Мой мир стоит на громких словах, – пожала плечами Мэгги, а Джейни ей улыбнулась.

– Радует, что хоть Гленды здесь нет.

Джейни огляделась и подмигнула парню, стоявшему у забора. Он улыбнулся ей, а потом повернулся к своим приятелям.

– Глену бы здесь не понравилось. Все-таки глэм-рок, – признала Мэгги, покосившись на «сцену» справа от них, сооруженную из деревянных палет, добытых на местном заводе по производству безалкогольных напитков. На ней стояли микрофоны и колонки с тянущимися от них спутанными проводами.

– Да уж, только представь! – прыснула Джейни. – Он бы грохнулся в обморок, только увидев накидку с блестками.

Мэгги захихикала. Окончив школу, Глен устроился работать сварщиком. Он был высоким худощавым парнем с грубым голосом, но не лишен чувства юмора, да и целовался неплохо, поэтому Мэгги продолжала с ним встречаться.

– У тебя было такое, что вы целовались и ты думала, что сейчас умрешь? – спросила Джейни.

– Вроде нет, – сказала Мэгги.

Последние четыре месяца выпускного класса она проводила дома у Глена почти каждый вечер и не изменила этой привычке и на каникулах, заезжая к нему после работы в местном газетном киоске, куда устроилась на лето. Они сидели на полу в его спальне, прислонившись к кровати, слушали пластинки Берта Бакарака и вполне сносно целовались. Время от времени заглядывала его мама, предварительно постучавшись, – то с корзиной для белья, то с вопросом, когда Глен будет ужинать. Вид у нее всякий раз был такой, словно она в последний момент предотвратила катастрофу в виде подростковой беременности.

Но мама Глена напрасно переживала. Мэгги нравилось целоваться, но заниматься с ним сексом она не собиралась. Он был просто парнем, с которым она приятно проводила время в ожидании настоящей любви. Теперь, когда ей было уже не четырнадцать, Мэгги хотела влюбиться.

– Ужас. – Джейни закатила глаза от восторга. – Поцелуй – это *все*. – Она накрутила на палец прядь волос. – А как насчет твоего брата? Он же любит глэм-рок. Он сегодня придет?

Джейни никогда не скрывала, что ей нравится Стиви. Если он околачивался на кухне, когда Джейни приходила в гости, она топталась в дверях с глупым выражением лица, хлопала ресницами, как пойманная муха – крыльями, и пыталась выглядеть соблазнительно, пока Мэгги показывала ей язык, а Стиви не обращал на нее ни малейшего внимания.

– Нет, – радостно ответила Мэгги. – Он нам здесь не нужен. Скидываться будем? – спросила она, доставая банкноту из кошелька.

– Ага. Напомни, во сколько выступает группа.

– Через десять минут. А мы когда должны приступить к работе?

– После того, как они закончат. «Гробница под напряжением» – довольно забавное название для группы. Откуда они? – спросила Джейни.

– Говорят, вроде местные. Вокалист из Бенфлита.

– Держу пари, играют они дерьмово.

– Надеюсь, – усмехнулась Мэгги. – Так веселее.

Через пятнадцать минут на сцену, шаркая, поднялся тощий парень – в узких джинсах, с сальными волосами – и сел за ударную установку. В толпе раздались насмешливо-поддерживающие возгласы. Трое других участников выскочили из коридора, который вел к туалету в задней части паба, и забежали на сцену. За микрофон встал коренастый парень в накидке («Так и знала!» – воскликнула Джейни), по бокам от него – два гитариста. У одного были светлые волосы и стрижка маллет, у другого – кудри, стянутые бархатной повязкой. Он был одет в брюки с низкой посадкой и расстегнутую на груди рубашку. Судя по виду, кудрявый чувствовал себя не в своей тарелке. Он надул щеки и выдохнул так, что завеса кудрей приподнялась, а потом снова упала ему на глаза. И отважился робко улыбнуться толпе.

– Эд Крэддок, – прошептала Мэгги.

– Кто? – спросила Джейни. Они отошли подальше, к траве.

– Я знаю этого парня. Он жил по соседству. Потом уехал.

– Что ж, хорошо, что он вернулся! – воскликнула Джейни. – Потому что он чертовски горяч!

Да, он был горяч. Эд Крэддок казался выше, чем раньше, волосы отросли и потемнели. Под рукавами рубашки проступали мускулы. Глаза он подвел черным карандашом. Эд нервно оглянулся на барабанщика, который ударами палочек друг о друга задал ритм – раз-два, раз-два-три. Опустив глаза на гитару, он начал играть свою партию. Другой гитарист подхватил, болезненно и сосредоточенно хмурясь. Солист – коротышка в накидке – мизинцем подтянул микрофон и запел удивительно высоким голосом. Они исполняли песню, которую никто прежде не слышал, с рваным ритмом и ускользящим смыслом. То ли о лошадях на пляже, то ли вообще ни о чем. Это было ужасно. Похоронное завывание под расстроенные гитары и выбивающиеся из такта ударные. Однако спустя несколько секунд что-то случилось со вторым гитаристом, и, возможно, Мэгги заметила это первой, поскольку не сводила с него глаз.

Эд словно ожил. Внезапно – хотя звуки, которые он извлекал из гитары, по-прежнему оставались ужасными, – он напустил на себя вид настоящего рок-музыканта с характерными манерами и развязностью. Он прикусил губу и начал кивать. Согнул ногу и выпятил бедро. Он стал выглядеть соответствующе, словно позаимствовал выразительность, не стесняясь явной театральности своего поведения. Сыграл не ту ноту – и нагло признал это, пожав плечами и очаровательно улыбнувшись. Снова сдул с лица кудрявую челку и беззаботно подмигнул толпе. А толпа восторженно загудела, оценив это завораживающее выступление.

«В нем действительно что-то есть», – подумала Мэгги. Нет, группа оставляла желать лучшего, а песня была лишена всякого смысла, но в Эда люди верили, ему желали успеха, на него откликались.

– Он душка, – мечтательно произнесла Джейни. – Твой Эд Крэддок. Просто прелесть.

– Он не мой, – ответила Мэгги.

У нее голова шла кругом. Перед сценой начались танцы и толкотня, и Джейни потащила ее в самую гущу. Вскоре они обе стояли у края помоста. Теперь Мэгги могла толком разглядеть Эда, и вместе с ужасающей музыкой и причитаниями о мокрых лошадях на нее обрушились воспоминания о встречах с ним на Шарлотт-роуд. Как он шагал по улице со своими приятелями, а она сидела на стене и смотрела на него. Тот вечер, когда они гуляли по набережной. Его глаза, когда он говорил о своем отце. Она задумалась, продолжает ли он вглядываться в горизонт в поисках Невилла Крэддока и выискивать под ногами окурки с золотым ободком. Верит ли он, что его отец до сих пор скрывается на необитаемом острове. Острове Воспоми-

наний – она помнила название. И местная газета о Невилле не забыла. В «Саутенд газетт» до сих пор печатали небольшие статьи с просьбой поделиться информацией о пропавшем.

Песня закончилась. Музыканты сыграли еще одну, затем еще. Публика сотрясалась в неистовом танце, наслаждаясь каждой секундой теплого вечера и выступления безумной группы. Мэгги не сводила глаз с Эда; теперь она стояла в первом ряду, и трава щекотала ей лодыжки. В конце четвертой песни, которая, если верить воплю коротышки-вокалиста, называлась «Любовь в руинах!», Эд выдал гитарное крещендо, потом хлопнул ладонью по глянцевому корпусу и посмотрел прямо на Мэгги.

– Как тебя зовут? – хрипло спросил он, и она обернулась, выискивая, к кому он обращается. Но за ней стояли только двое жизнерадостных парней в джинсах.

– Детка, он с тобой разговаривает, – невозмутимо произнес один из них.

Мэгги снова посмотрела на сцену.

– Да, с тобой, – подтвердил Эд.

– Мэгги, – ответила она, поражаясь тому, как громко и глупо звучит ее голос.

Лицо Эда расплылось в улыбке. Он подмигнул ей и подошел к вокалисту, чтобы шепнуть что-то ему на ухо. Тот, в свою очередь, перекинулся парой слов с барабанщиком и занял место Эда на сцене. А Эд сменил его у микрофона, и в исполнении «Гробницы под напряжением» зазвучала рок-версия «Мэгги Мэй»¹². При этом Эд ужасно брэнчал на гитаре и каждое слово адресовал той Мэгги, которая стояла перед сценой.

Мэгги густо покраснела. Голос у Эда был неплохой: приятный и мелодичный. А в самом Эде идеально сочетались дерзость и харизма. Он оживил песню одним подмигиванием и улыбкой. Толпе это понравилось: все не переставали коситься на Мэгги, наслаждаясь ее смущением. А Джейни тыкала ее локтем в бок. Судя по выражению лица Джейни, она искренне считала, что ничего лучше с ними обеими еще в жизни не случилось.

– Ты ему нравишься, – восторженно прошептала Джейни, но Мэгги лишь покачала головой и поджала губы, чтобы сдержать улыбку.

Но вот песня закончилась, музыка стихла, а Эд все не сводил глаз с Мэгги. Наконец он сошел со сцены, подражая походке «богов рока», как будто покидал не сколоченный из палет помост в пабе, а сцену на стадионе «Уэмбли».

Джейни схватила ее за руку.

– Какого черта, Мэгги! Тебе только что посвятили целую песню, везучая ты корова!

Мэгги не сомневалась, что лицо у нее в этот момент было даже не красное, а пунцовое. Душа пела от счастья. В тот миг ее обожали. Для Мэгги это было в новинку: Глен говорил ей, что она хорошенькая, но обожал футбол, стейки и пирог с почками, а не ее. Посмаковав искрившееся внутри чувство, Мэгги внутренне вертела его так и эдак, любуясь приятными углами и сверкающими гранями. Она была не прочь снова его испытать.

– Боже, – выдохнула она. – Господи, мне надо выпить.

– Пока нельзя, – напомнила Джейни. – Тебе еще татушки делать.

* * *

Мэгги перевела уже три звезды и две молнии. Не то чтобы она была хороша в этом деле: сначала одна девчонка разворчалась по поводу отвалившегося луча у звезды на своем плече, а потом Мэгги забыла отклеить подложку у молнии, прежде чем налепила ее на волосатую руку пьяного клиента в кожаных штанах, который в конце концов сказал ей не переживать и утопал прочь.

¹² Песня британского исполнителя Рода Стюарта, популярная в 1970-х годах. В тексте песни говорится о любовных переживаниях школьника старших классов.

– Готово, – сказала Мэгги, улыбаясь девушке в зеленом платье. На мясистом предплечье среди бледных волосков темнела свежепереведенная звезда.

– Спасибо.

Мэгги отжала губку в миску. На другой стороне паба Джейни щедро размазывала краску и блестки по лицам посетителей. Мэгги помахала ей, подруга улыбнулась и помахала в ответ. А потом начала тыкать куда-то ей за спину и показывать большие пальцы. Когда Мэгги обернулась, то увидела Эда Крэддока – подведенные глаза, дерзкая ухмылка, одна нога стоит на носке позади другой.

– Привет, – сказала он.

– Привет.

– Можно мне татуировку?

– Конечно, – ответила Мэгги, стараясь не краснеть. – Садись. Что хочешь, молнию или звезду?

– Звезду, пожалуйста. – Его улыбка лучилась нахальством. А глаза благодаря подводке сверкали почти отравляюще восхитительно.

– Поняла. Сейчас будет звезда.

Эд присел на крохотный стул напротив. Мэгги неловко вырезала из карточки очередную звезду – она была левшой, а ножницы предназначались для правой – и осторожно оторвала подложку, избегая взглядов Эда.

– Куда лепить? – спросила она, отважившись мельком на него посмотреть. Боже, ну какой красавчик.

Эд закатал рукав рубашки выше запястья и протянул ей руку.

– Сюда, Мэгги.

Вспыхнув, она разместила звезду вверх ногами у него на запястье. Мэгги уловила запах его лосьона после бритья. Что-то древесное и успокаивающее. Она намочила губку и мягко прижала ее к рисунку.

– Значит, ты выжила в мош-пите?¹³ – спросил Эд.

– Ну да, вроде того. Отличная группа. – Она попыталась украдкой рассмотреть за людьми Джейни в надежде на моральную поддержку или понимающую улыбку, но толпа стала слишком плотной.

– Мы оба знаем, что это неправда, – ухмыльнулся Эд. – Но спасибо. Нам нравится играть, и мы любим свои пять песен. По крайней мере, мы выглядим соответствующе. На вершины чартов в ближайшее время вряд ли попадем, конечно, но пятьдесят шиллингов – тоже деньги.

– Да, их можно потратить на уроки игры на гитаре, – предложила Мэгги.

Эд расхохотался, и она обрадовалась, что смогла его рассмешить. Его зеленые глаза снова встретились с ее. Взгляд Эда был уверенным, обаятельным, сексуальным.

– Но я на самом деле только притворялся, – признался он. – Притворялся музыкантом из крутой группы. Даже имя себе придумал перед тем, как выйти на сцену. Рик Гастингс.

– Рик Гастингс?

– Ага, – смущенно сказал он. – Рик Гастингс, блестящий гитарист из выдуманной группы «Электроночи». А знаешь, что самое смешное? Ты не поверишь. – Его лицо озарилось изумлением и восторгом, и он подался к Мэгги. – Когда я сошел со сцены, меня пригласили сыграть в пьесе. – Он засмеялся, подведенные глаза засверкали. – Какой-то парень из толпы. Назвался театральным режиссером. Местная постановка, ничего особенного. Но он сказал, что у меня подходящая внешность. – Эд пожал плечами. – В пьесе! – повторил он, сам себе не веря.

¹³ Тесная толпа людей, которые исполняют на рок-, панк-, метал-концертах особый танец, чаще всего в круге, представляющий собой безбашенные энергичные движения.

– А что за пьеса? – спросила Мэгги, взволнованная тем, что он открылся ей и подарил восторженную улыбку.

– Забыл. Что-то про официанта. Он хочет, чтобы я сыграл парня по имени Гас.

– «Немой официант»?¹⁴

– Точно.

– Ты согласишься?

Эд снова пожал плечами.

– Да, наверное. Роль-то вроде несложная. – Он пригладил волосы рукой, и Мэгги заметила на среднем пальце кольцо с опалом. *Рик Гастингс*. – Угадай, кем я работаю на самом деле?

– Визажистом?

Он опять расхохотался.

– Мою маму удар хватит, если она увидит эту подводку. Особенно если учесть, что я стащил карандаш из ее косметички. Она до сих пор не оправилась после того случая, когда я попытался покрасить волосы в черный крем для обуви. Говорит, вид у меня был такой, словно я соседского кота нацепил на голову.

Настала очередь Мэгги смеяться.

– Я помню этого кота, – осторожно сказала она. – Так что соглашусь с твоей мамой, тебе вряд ли пошло.

Эд вопросительно склонил голову набок.

– Ты знаешь кота моей старой соседки?

– Ты меня не помнишь? – робко спросила она.

– Нет... – Он вглядывался в ее лицо, пока она вбирала глазами его черты.

– Я часто сидела на стене.

– На какой стене?

– Стене на Шарлотт-роуд. Перед моим домом.

Эд пригляделся и растянул губы в широкой улыбке.

– Ты – та нескладная девчонка со стены?

– Ага, – ответила Мэгги. – Рыжая и нескладная.

Вот только все это осталось в прошлом. Она, как говорится, округлилась. Бледные ножки-палочки стали длинными и (по мнению самой Мэгги) довольно стройными. Грудь налилась, на щеках появился румянец.

– Чтоб меня! Я вроде как однажды поцарапал тебя палкой. Прости уж за это. Ты так изменилась! Теперь ты скорее рыжеволосая и сногшибательная.

– Спасибо. – Мэгги опять залилась краской. Она подумала, не упомянуть ли о том вечере, когда они вместе пошли на пирс. Ее одолело странное смущение, словно она тогда стала невольной свидетельницей того, что не предназначалось для ее глаз. Словно она шла по берегу за его открытым сердцем.

– Чтоб меня, – повторил он, качая головой.

– Я посмотрела «Пловца», – нерешительно намекнула она, гадая, вспомнит ли он. – Фильм с Бертом Ланкастером.

Эд посмотрел на нее так, что она сразу поняла: он не забыл. Как они вместе сидели у моря. Говорили о фильмах вроде «Отныне и вовеки веков». Его она тоже посмотрела. Сцена, которую он упомянул тогда, – Дебора Керр и Берт Ланкастер лежат на песке и целуются, пока на них накатывают волны, – заставила ее покраснеть.

– И как тебе «Пловец»? – спросил Эд.

– Мне понравилось, – ответила Мэгги. – Аллегорично.

¹⁴ Одноактная пьеса английского драматурга Гарольда Пинтера.

– Аллегорично... – медленно произнес он, перекатывая слово на языке. А потом вдруг сказал: – Нужно давить чуть сильнее.

Мэгги спохватилась, что ее рука просто лежит на запястье Эда, почти обхватив его пальцами. Она прижала татуировку и почувствовала тепло его тела сквозь намокшую бумагу.

– Так, значит, на самом деле ты работаешь...

– В магазине женской обуви. На Арч-роуд. – Он скривился. – Мне должно быть стыдно, да? Туфли, колготки, защитные спреи...

– Это все равно работа, – заметила Мэгги.

– И все равно работать там стыдно, – парировал Эд. – Я о том, что не планирую делать на этом карьеру и был бы рад заняться чем-то другим.

– Чем, например?

– Не знаю. – Он устремил на нее взгляд зеленых глаз, и люди вокруг, те, что стояли, пили, разговаривали, смеялись, вмиг превратились в ничто. – Надеюсь, когда-нибудь я пойму. А пока я знаю только, что не хочу до конца своих дней проработать в обувном магазине.

– Может, тебе понравится играть в театре, – предположила Мэгги.

– Ага, конечно, – рассмеялся он, по-прежнему не сводя с нее глаз.

– Думаю, теперь готово, – сказала она, взглянув на татуировку.

Люди вернулись, а с ними и смех, и звон бокалов. Сад вновь наполнился счастливыми лицами.

Мэгги осторожно сняла с запястья Эда промокшую бумагу. Один лучик золотой звезды отказался лежать ровно, и ей пришлось аккуратно прижать его к коже кончиком пальца.

– Во сколько ты заканчиваешь? – спросил Эд. – Работать за тату-столом?

– Думаю, минут через десять.

– Я подожду тебя.

– Ладно.

Теплая волна прокатилась от кончиков пальцев ног по всему телу. И Мэгги это понравилось. Прежде она ничего подобного не испытывала, и уж точно не с Гленом и поцелуями на полу его спальни.

– Эд! – раздался чей-то голос.

Они обернулись: светловолосый вокалист направлялся к ним, накидка развевалась у него за спиной.

– У нас еще одно выступление, – сказал он, подходя к столику Мэгги. – Сегодня вечером. В «Лошадиной голове». Надо погрузить аппаратуру.

– Прямо сейчас? – спросил Эд.

– Да, Тревору только что позвонили. Обещают хорошо заплатить. Вставай!

Эд нехотя встал и улыбнулся Мэгги.

– Что ж, тогда пока, Мэгги. – Он развернулся, чтобы уйти, но потом снова посмотрел на нее. – Не хочешь прийти посмотреть, как я играю в спектакле? В старом «Ритце», в следующий четверг. Оставлю тебе билет на входе.

– В следующий четверг? Так скоро?

Эд снова пожал плечами.

– Роль-то вроде несложная, – повторил он. – Ты придешь?

– Да, я приду.

– Отлично! – И он пошел прочь, а она смотрела ему вслед, пока девушка в синем бархатном платье не кашлянула и не спросила:

– Вы делаете татуировки или нет?

В толпе на другом конце сада Мэгги наконец разглядела Джейни: та улыбалась ей во весь рот, сидя за столом с красками. И Мэгги улыбнулась в ответ, пока восхитительное, еще неизведанное чувство накрывало ее с головой.

Глава седьмая

Восемь вечера, на острове

У Олли было шумно. Не только из-за огромного генератора, что притулился где-то за баром и, ворча, усердно вырабатывал электричество. И не только из-за громкой музыки в стиле регги, которая лилась из колонок на стенах, – «Три маленькие пташки» Боба Марли. Нет, когда Мэгги и Эд добрались до бара Олли – простого, но живописного деревянного шестиугольника из красно-желтых досок под тростниковой крышей, – их встретили грузный мужчина в грязном фартуке, который выхватил у Эда шест с рыбой, сопроводив это звучным «Merci¹⁵, друг мой, merci», и оглушительная болтовня местных жителей. В пятницу вечером здесь собирался чуть ли не весь остров, поскольку, как сказал Эд, выпивка была почти дармовая, а жареная рыба стоила шесть франков.

– Рыбаки, фермеры и мебельщики, – добавил Эд, подводя итог рассказу о том, что мужчины и женщины убивают здесь время, развалившись в плетеных креслах или примостившись на высоких табуретах, – босые ступни упираются в покрытые слоем песка доски, шлепанцы лениво покачиваются на носках. – Экономика острова Воспоминаний держится на экспорте кокосовой веревки, корицы, сладкого картофеля и ротанговых подставок для ног.

Мэгги огляделась по сторонам. Приметила написанное на лицах любопытство и запах древесного дыма и специй, вдохнула непринужденную атмосферу пятничного вечера, когда земледельцы, выращивающие сладкий картофель, и ремесленники, плетущие скамеечки для ног, встречаются, чтобы отведать свежей рыбы и поболтать. Она решила, что ей здесь нравиться. Обычно Мэгги проводила пятничные вечера в компании телевизора, а ужином ей служили полуфабрикаты: проткни пленку вилкой, поставь в микроволновку на четыре минуты – и готово.

– Ты всегда сидишь на одном и том же месте? – спросила она Эда, когда они устроились со своими напитками на высоких табуретах за барной стойкой.

Большой вентилятор, стоявший на дальнем конце стойки, жужжал, как неторопливый вертолет, и обдавал их лица прохладой. Перед ними лениво мерцала свеча в керамическом подсвечнике. За стойкой стояла красавица лет тридцати с копной вьющихся темных волос, собранных на затылке деревянной заколкой. Она так часто поглядывала на Мэгги, что та невольно задалась вопросом, не спит ли с ней Эд.

– Да, – ответил он.

Не считая краткого экскурса в местную экономику, Эд, с тех пор как они покинули хижину, был разговорчив, как бревно. Мэгги сомневалась, что за отведенное ей время она сумеет вытянуть из него больше трех слов, не говоря уже о полноценном интервью. Она потягивала ром с колой и изучала его профиль. Чтобы написать хоть что-то, ей нужно ухватить общее представление о нем. Набросать несколько штрихов. Например, передать то, как он поставил пятки на перекладину табурета. Оперся о стойку одним локтем. Ковыряет оранжевую подставку для пивного бокала от края к центру, словно квадратный апельсин. Рядом – смятая пачка сигарет. Локон, упрямо льнувший ко лбу.

– Постоянный клиент, значит.

Мэгги заметила, что складка в уголке его рта, которой не было во время их последней встречи, белеет на фоне загорелой кожи. *Хорошая деталь*. Ей придется описывать Эда Кавано словами, поскольку она понятия не имела, как расспрашивать его о чем-то вот так, лично.

– Раньше ты не любил ром.

¹⁵ Спасибо (*фр.*).

– Люди меняются.

– В самом деле?

Он молча уставился на жестяные вывески на стене бара: реклама керосина, кокосового шампуня и мыла.

Наконец она спросила:

– Почему здесь нет туристов, кроме тебя – ну и меня, пусть ненадолго? Почему об острове Воспоминаний почти никому не известно?

– Здесь мало дорог, – ответил Эд. – Да и те дорогами не назовешь, грунтовки. Нет вай-фая. Телефон не ловит. – (Мэгги поняла это еще у себя в бунгало.) – Нет инфраструктуры для туризма. Добраться сюда можно только по воде, да еще и не на одной лодке. Дай этому острову время, – добавил он, одарив ее своей фирменной ухмылкой. – Ничто не остается неизведанным.

«Даже ты?» – вопрос чуть было не сорвался у Мэгги с языка, но она решила, что лучше по примеру Эда держать рот на замке.

– Кто это, Эд? – спросила женщина за стойкой и подошла к ним, чтобы протереть и без того чистый пятачок. Появление Эда в баре Олли с пожилой дамой в платье из батика явно разожгло ее любопытство. Должно быть, она приняла незнакомку за его незамужнюю сестру или агента.

– Это Мэгги, – коротко представил ее Эд. – А это Дельфина, – сказал он Мэгги.

– Приятно познакомиться, – отозвалась Дельфина.

Мэгги не сомневалась, что ее глаза вспыхнули бы ревностью, не будь Мэгги такой старой. Она гадала, было ли жителям острова известно, что Эд знаменит. Скорее всего, да – Эда Кавано знал весь мир.

– Вы к нам надолго?

Дельфина внимательно изучала Мэгги, подмечая каждую морщинку, которую не смог стереть ее дорогой крем для лица.

– На двадцать четыре часа.

– О, совсем ненадолго. – В ее голосе слышались французский акцент и нескрываемое облегчение.

«Не переживай, – подумала Мэгги, – скоро ты получишь своего мистера Эда назад». Она вдруг ощутила острый приступ зависти не только к Дельфине, но и к островной жизни Эда: к его выходам в океан на синей рыбацкой лодке, к тому, как он расхаживает босиком по своей простой хижине и принимает освежающий дух и тело душ среди деревьев. А Мэгги ждала пресная жизнь на пенсии, маленькая квартирка в Лондоне, серое небо и пустота. За свою карьеру она *отыскала* столько людей – разве не иронично, что в конце концов сама она осталась почти в полном одиночестве?

– Зачем вы приехали на остров Воспоминаний? – без обиняков спросила Дельфина. – Повидаться со старым другом?

Он никогда не говорил, что они друзья...

– Я собираюсь взять у него интервью, – сказала Мэгги. И все.

Небольшое журналистское расследование о человеке, с которым они больше не были друзьями. «Столько часов было потрачено впустую», – подумала она. Столько часов, проведенных вместе, и как итог – сутки внутреннего холода на этом жарком острове. Эти минувшие часы были теперь недостижимы, но порой наливались такой яркостью и остротой, что, казалось, их можно выхватить из воздуха и пережить снова. Сладкие, горькие, терпкие, мучительно прекрасные.

– Для журнала, – добавила Мэгги. – Если он мне позволит. – Она улыбнулась Эду, но он не ответил на ее улыбку. – Вот почему я здесь.

Дельфина кивнула: ответ ее удовлетворил. Она отошла, чтобы обслужить другого клиента.

– Ты с ней спишь? – спросила Мэгги.

– А это важно?

– Ничуть.

– Тогда ладно. – Выражение его лица невозможно было прочесть. – А ты с кем спишь?

Полагаю, с Грэмом.

– Откуда ты знаешь о Грэме?

– Ты упомянула его в одном из своих материалов. Вроде как ты ждала, что он заберет тебя из «Дочестера»¹⁶ после интервью. Ты слишком часто делишься личным в своих статьях.

– Моему редактору нравится. Ей нравятся... истории. Так, значит, ты читал что-то из написанного мною для «Сверхновой»?

– Да, Мэгги, иногда я читаю журналы...

– Понятно. Что ж, Грэм давно вышел из игры, – сказала она. – У нас все стухло год назад.

Да и сразу было понятно, что ничего не получится.

– Печально слышать, – отозвался Эд без капли сочувствия в голосе.

– Ничто не вечно, – сказала она. И подумала: уж они-то точно знают. Сидят в этом баре, вяло обмениваясь бессодержательными репликами. Ее сердце никогда по-настоящему не принадлежало Грэму. Оно давно не принадлежало никому.

– И то правда. Как Элоиза? – спросил Эд.

– У нее все хорошо, спасибо, – сказала Мэгги.

При мысли о дочери она слегка воспрянула духом. Перед отъездом Мэгги позвонила Элоизе и рассказала, что уезжает за границу брать интервью. У одного старого актера, который сейчас на Сейшелах. Элоиза ответила: «Повезло тебе, мам! Повеселись там!» Мэгги никогда не говорила Элоизе об Эде Кавано. Никогда.

– Она занимается наукой. В следующем году выходит замуж.

Ее так и подмывало спросить, как дела у Майкла, но она не осмелилась заговорить с Эдом о сыне. Пока не время. Сначала нужно взять интервью. Получить заготовку для своей *поучительной истории*. Так что незаданный вопрос повис в воздухе, как застывшая на месте стрела из мультика.

– А твои родители, они еще?.. – спросил Эд.

– Мама ушла десять лет назад, – ответила Мэгги. – Отцу уже почти девяносто. Он в доме престарелых. У него болезнь Паркинсона.

– Соболезную.

– А твоя мама?..

– Семь лет назад.

– Как жаль.

Ни один из них не упомянул Невилла Крэддока.

– А как Стиви?

Мэгги улыбнулась:

– Добился успеха. У него большой дом в Хэдли, пятеро детей...

– Молодец, – сказал Эд. – Почему ты приехала всего на двадцать четыре часа?

– Планировала взять интервью и вернуться. У меня там жизнь. Пенсия ждет.

– Ты уходишь на пенсию?

– Да.

– И больше не будешь писать? Никаких статей?

– Нет. Повешу блокнот на стену.

¹⁶ Пятизвездочный отель в Лондоне напротив Гайд-парка, один из самых престижных и дорогих в мире.

– Какой ужас. Ты так любишь свою работу.

– Ничто не вечно, – повторила Мэгги. Их слова были пусты, лишены смысла. А ведь когда-то они то отступали, то накатывали, как волны в море.

– И то правда, – отозвался Эд собственным эхом. – Значит, больше никаких поисков пропавших людей, – добавил он, и эта колкость больно ужалила Мэгги, как он, вероятно, и хотел.

Эд отвернулся и уставился на рекламу мангового мыла, а Мэгги подумала об их последней встрече. Она точно помнила час, день, время года, погоду и то, во что они были одеты. В памяти отпечатались каждое слово, которое она сказала ему, а он – ей. Там хранился запах моря, сахарной ваты и жареной картошки, крики чаек и грохот поезда, подъезжающего к станции в конце пирса. Интересно, а он помнит?..

– Ты в самом деле хорошо выглядишь, Мэгс. – Эд снова повернулся к ней. Сначала кинжал, теперь роза – она понятия не имела, чего он хочет этим добиться.

– Нет, – ответила она, касаясь своих непослушных волос цвета раскаленных углей с вкраплениями серебра. Она превратилась в Джейни, которая всегда себя принижала. Дорогая, милая Джейни умерла тринадцать лет назад от рака поджелудочной. – Такова жизнь, – вздохнула она. – Мы знали, что когда-нибудь это произойдет, но до конца не верили, правда?

– Да уж, – сказал Эд. – Старость определенно не для слабых духом.

Мэгги говорила не об этом: она имела в виду, что, когда они были молоды и влюблены друг в друга, время для них словно остановилось и это внушило им, что ничто не сможет их разлучить.

Эд провел пальцем по растрепанному краю подставки для бокала. Снова сжал в ладони и без того уже мятую пачку сигарет.

– Скоро здесь будет выступать группа, – сказал он.

– Правда? Ты когда-то играл в группе, – не удержалась от напоминания Мэгги. Она готова была поклясться, что он чуть не рассмеялся. Ему стоило больших усилий сохранить невозможное выражение лица.

– И правда, играл, – осторожно проговорил он. – Помнишь тот вечер?

– Конечно, – беззаботно ответила она. – Группа, с которой ты выступал, была непередаваемо ужасной, как такое забыть?

– И как она называлась?

Сосредоточенно хмурясь, Мэгги порылась в памяти.

– Что-то с напряжением... – пробормотала она. – «Гробница под напряжением»!

– «Гробница под напряжением»... – Эд покачал головой и наконец рассмеялся. – Какими же напыщенными идиотами мы были. Нет, ну правда, что это вообще значит? – Он вдруг оживился. Его лицо стало таким же, каким она помнила.

– И тем не менее выступление «Гробницы под напряжением» привело к великим событиям, – сказала она.

– Да, – отозвался Эд голосом одновременно мягким и холодным, как будто в нем сквозил арктический ветер. – Посмотри, к чему оно привело.

Глава восьмая

Восемь вечера, 3 июля 1975 года

Когда Мэгги пришла в бывший кинотеатр «Ритц» на Керзон-роуд, который превратился в бинго-клуб «Топ Ранк», ее встретило фойе, устланное коврами со спиральным узором. Через фойе тек ручеек хихикающих женщин, которые, беззастенчиво радуясь возможности сбежать от домашнего очага, исчезали за двойными дверями в зале для игры в бинго. Мэгги подошла к стойке регистрации, за которой сидела женщина, с недовольным видом листавшая журнал по вязанию.

– Здравствуйте, – сказала Мэгги. – Мне должны были оставить билет на «Немого официанта».

– На спектакль? Он в «Старом баре», – лениво ответила женщина, выдвигая ящик стола фалангой мизинца с длинным красным ногтем. – Первая дверь направо. *Удачи*, – прошептала она, протягивая билет. – На вашем месте я бы запаслась книгой.

Мэгги похлопала по сумке на бедре, словно именно так и сделала. По ковру, узор которого был способен вызвать мигрень, она прошла к заботливо приоткрытой двери с табличкой: ««Немой официант» Пинтера. Всего 1 фунт, если вам понравится!» Рядом на высокой металлической подставке стояла круглая пепельница, в которой еще дымилась сигарета. С другой стороны от двери была установлена оптимистично пустая пластиковая банка с одной-единственной купюрой.

Когда Мэгги вошла в зал – плохо освещенное помещение с небольшой сценой в дальнем конце, – на нее уставились три пары глаз. Дюжина стульев пустовала. Мэгги села, но, почувствовав, что устроилась слишком близко к сцене, перебралась на два ряда назад. В зал вошли еще трое: пара в одинаковых джинсовых куртках и неряшливого вида мужчина, который расплылся по своему стулу и немедленно раскурил трубку.

– Вы тоже пришли посмотреть на кого-то из актеров? – спросила женщина, сидевшая ближе всех к Мэгги. Ее волосы были уложены в пышную прическу, а из-под зеленого, как горошек, платья-халата торчали сморщенные чулки. – Мой сын Фредди играет Бена, – гордо сообщила она.

– Я знаю человека, который играет Гаса, – сказала Мэгги.

Ей было неловко, потому что на самом деле она совсем его не знала и чувствовала себя не в своей тарелке. Что, если Эд увидит ее в зрительном зале и огорчится? Может, он пригласил ее, толком не подумав, потом из вежливости оставил билет и с той их встречи в пабе в субботу успел познакомиться с кем-нибудь еще? С девушкой, которая понравилась ему больше, чем она?

– О, понятно. Вы его девушка?

– Нет, – быстро ответила Мэгги.

– Мне говорили, что это дублер, которого взяли только недавно, – с недовольным видом сказала женщина. – Ничего, мой Фредди вытянет пьесу, даже если этот парень не справится.

– Что бы мы делали без Фредди, – пробормотала Мэгги, но женщина уже отвернулась к сцене и рылась в пакете с леденцами.

За кулисами послышалась возня. Раздался стук, потом глухой удар. Занавес из полиэстера сливового цвета заколыхался, и на сцену вышел мужчина: светлые, как сдобное тесто, волосы зачесаны на ровный боковой пробор, тонкие жердеобразные ноги вывернуты носками наружу. Костюм цвета хаки болтался на нем, как флаг. Если количество зрителей его и расстроило, то виду он не подал.

– Леди и джентльмены, – произнес он с сильным эссекским акцентом и широко улыбнулся, явно перебарщивая с веселостью, – добро пожаловать на постановку «Немого официанта» Руперта Робертсона, эсквайра. Руперт Робертсон – это я и сегодня вечером представляю вам двух талантливых актеров – Фреда Даффи и Эдварда Крэддока. Если спектакль вам понравится, расскажите своим друзьям, – серьезно добавил он, – потому что у нас впереди еще три спектакля, и мы будем рады, если в зале будет побольше зрителей. Расскажите всем своим друзьям, – повторил он. Потом застенчиво поклонился и боком удалился со сцены.

Наступила тишина, которую нарушил приступ кашля у мужчины с вонючей трубкой. Передний ряд подхватил, люди начали сплевывать в носовые платки, затем занавес наконец дрогнул, пытаясь открыться, но механизм заел, и девочке-подростку в футболке с логотипом группы «Баззкок» пришлось выйти, чтобы убрать занавес вручную. Желтая лампочка над сценой освещала две кровати: на одной лежал и читал газету коренастый парень с короткими темными волосами, на другой сидел Эд Крэддок и завязывал шнурки на ботинках. Оба они были одеты в черные костюмные брюки с подтяжками и белые рубашки. Их лица ничего не выражали.

Мэгги казалось, что она слишком бросается в глаза. Зря она сюда явилась, пусть даже Эд и оставил для нее билет. Теперь он решит, что она хочет привлечь его внимание. Ей казалось, что все взгляды устремлены на нее, хотя это Эд был на сцене и собирался произнести свою первую реплику.

Но случилось это не сразу. «Гас» продолжал возиться со шнурками. Встав, он неловко стащил с ноги один ботинок и вынул из него сплюснутый спичечный коробок, затем снял другой, из которого извлек раздавленную пачку сигарет, и положил обе находки в карман. Обулся и снова попытался завязать шнурки, чем вызвал у зрителей смех, потому что у него упорно не получалось. Вышло забавно. Затем он зашаркал в «туалет», и Мэгги, к стыду своему, не могла не отметить, что его задница в черных брюках выглядит просто роскошно.

В зале опять воцарилась тишина. Первым заговорил «Бен»: начал пересказывать историю из газеты о старике и грузовике. Конечно, Мэгги знала пьесу – проходила ее на основном курсе английской литературы. Она знала, что первой репликой Эда будет вопрос «Что?». Но с первых секунд ее заворожила его игра. Он был уязвимым, растерянным, испуганным, умоляющим. «Бен» же просто произносил реплики, он был невыразительным, не вживался в роль – в отличие от Эда. Подвижного, игривого, убедительного. Мэгги глаз от него не могла отвести: он был так же хорош, как и в роли рок-гитариста Рика Гастингса. В белой рубашке и подтяжках Эд выглядел невероятно притягательно, господи, у него же были кудряшки. Мэгги не сомневалась, что более сексуального «Гаса» в «Немом официанте» мир еще не видел.

Даже громкие крики, доносившиеся из просторного зала для бинго по соседству, не сбивали его с толку. Фредди из-за них терялся и путал реплики, но Эд остроумно использовал их в своей роли. Он закатывал глаза, когда его перебивали наглым «Выше некуда, девяносто!»¹⁷, – и публика смеялась – или напускал на себя сердито-озадаченный вид, когда раздавалось «Семь да семь, семьдесят семь», – и зрители смеялись еще громче. А когда послышался восторженный крик «Дом!»¹⁸, Эд замер на полуслове и выдержал не прописанную в пьесе экзистенциальную паузу, тем самым заворожив «толпу».

К тому времени, как подоспел знакомый поворот сюжета – под дверь просунули конверт, – все семь зрителей оказались полностью покорены Эдом. Мэгги быстро обернулась, чтобы посмотреть на Руперта, который стоял в дальнем конце зала и управлял освещением. Он тоже был в полном восторге.

¹⁷ В британской разновидности игры в бинго используются шары с номерами от 1 до 90.

¹⁸ Выкрик игрока в бинго, когда на его билете оказываются зачеркнуты номера в двух линиях.

В финале пьесы, в той самой драматической сцене, когда Бен наставил на Гаса пистолет, момент был почти испорчен громким «Барабанные палочки, одиннадцать!» из соседнего зала, за которым последовал шквал свиста и восторженных «У-у!». Зрители замерли, потом нервно захихикали, но Эд – сама невозмутимость – сохранил испуганную позу. Наконец он расслабился, расплылся в улыбке и застенчиво подмигнул толпе, после чего поклонился коротко и мило. Фредди успел полностью выйти из образа и выглядел просто напуганным. Он положил пистолет на пол и попятился со сцены, чувствуя, что его переиграли.

А Эд продолжал стоять в свете прожектора, глядя на публику сияющими глазами. В них горел огонь осознания, что он действительно талантлив, что в нем и в самом деле что-то есть. «Он прав», – подумала Мэгги. Руперт пробежал через зал и вытащил Фредди на сцену, чтобы оба актера поклонились, но все зрители – за исключением матери Фредди – аплодировали Эду.

– Расскажите своим друзьям, – снова попросил Руперт, обнимая Эда. – Обязательно расскажите всем и каждому!

Мэгги осталась в зале. Никаких кулис тут, по всей видимости, не было, поэтому она слонялась возле сцены, повесив сумку на плечо, пока прочие зрители не разошлись. Наконец из-за занавеса вынырнул Эд в джинсах и футболке. Он выглядел невероятно красивым и буквально лучился изумлением от своего нежданного успеха.

– Ну как тебе? – спросил он, спрыгивая в зал к Мэгги.

– Потрясающе, – ответила она. – Ты был великолепен. А тебе понравилось?

– Очень понравилось! – Широкая улыбка, казалось, намертво приклеилась к его лицу. – Ужасно понравилось, – взволнованно продолжал он, засовывая руки в карманы. – Я чуть не сбежал перед спектаклем. Подумал: какого черта я здесь делаю? Лучше бы в паб пошел или смотрел «Главные хиты». Но разве я не поэтому здесь очутился? Не потому, что смотрел «Главные хиты» и представлял себя поп-звездой?

– Наверное, так оно и есть, – улыбнулась в ответ Мэгги. – Ты был очень, очень хорош.

– Спасибо, – ухмыльнулся Эд. – И спасибо, что пришла.

Господи, он великолепен, подумала она. Светится изнутри.

– Хочешь пойти в паб? – спросил Эд. – Еще только восемь. Можем пойти в «Корону» на Педлар-стрит.

– С удовольствием.

В фойе не было никого, кроме пары женщин за игровыми автоматами в дальнем конце. Одну из них, в красной юбке, Мэгги заметила на спектакле – она сидела у пожарного выхода. Сейчас она с жаром дергала ручку автомата и махала им свободной рукой.

– Молодец, Эд! – крикнула она. – А почему твоя мама не пришла?

– У нее работа! – крикнул в ответ Эд. – Завтра придет! Это Рене, подруга моей мамы, – объяснил он Мэгги театральным шепотом. – Нам лучше к ней подойти.

– Замечательно, – сказала Рене, когда они приблизились к «однорукому бандиту». – Твоей маме обязательно понравится. Правда, скучновато немного – почти ничего не происходит. Но ты так забавно играешь, – тепло добавила она, а потом погрузилась и стиснула руку Эда. – Знаешь, я подумала, может, пойдут слухи о спектакле и твой папа сегодня объявится, – сказала она, выпятив густо накрашенную нижнюю губу. – Узнает, что ты играешь в знаменитой пьесе...

– Нет. – Выражение его лица почти не изменилось, но от Мэгги не укрылась печаль, затуманившая зеленые, как лес, глаза Эда.

– Как жаль, – сказала Рене таким тоном, будто говорила о погоде или о том, что в супермаркете закончились кексы «Баттенберг». – Ну что ж, – жизнерадостно воскликнула она, – тогда, может быть, завтра.

– Да, может быть, завтра. Спасибо, Рене. – Эд отвел Мэгги в сторону. – Чертова женщина, – пробормотал он.

Мэгги только сочувственно поморщилась в ответ. Четырнадцатилетняя девочка, которая расспрашивала Эда о его отце на набережной Саутенда, выросла и укротила свою прямолинейность.

Они прошли через фойе мимо зала для игры в бинго: одна из двустворчатых дверей была открыта, и оттуда доносились радостные вскрики. Кто-то только что собрал две линии. Эд повернулся к Мэгги, грусть в его глазах исчезла, сменившись озорством.

– Не хочешь сыграть? Ты любишь бинго? Это довольно весело.

Мэгги заглянула в зал. Она никогда раньше не ходила на игру в бинго – мама говорила, что туда на инвалидной коляске не попасть. Честно говоря, для инвалидов колясок многие места были недоступны.

– Давай, – задорно сказала она. Игра действительно выглядела весело, и Мэгги была рада чем угодно заниматься вместе с Эдом. – Я, правда, раньше не играла, но почему бы и нет?

– Да ты вовсе не жила! – воскликнул Эд и взял ее за руку.

Они вошли в зал, где на них обрушилась лавина звуков: взволнованные возгласы, смех, голос мужчины, выкрикивавшего в микрофон список номеров, чтобы проверить выигравший билет. А еще цвета: сиденья из блестящего красного пластика, лототрон с разноцветными шариками, контрастные блузки и сумочки и, наконец, сине-желтый ковер с тысячей галлюциногенных завитушек.

Эд купил две книжки с билетами для игры и по баночке шенди. Они втиснулись на два привинченных к полу красных стула за единственным свободным меламиновым столиком в самом конце зала.

– У меня нет ручки, – сказала Мэгги.

Эд призвал на помощь свое обаяние и позаимствовал пару маркеров у миниатюрной дамочки, которая сидела за столом позади него. Потом перегнул обложку книжки с карточками и объяснил Мэгги правила игры.

– Только держи себя в руках! – подмигнул он ей. – Моя мама в этом деле мастер, но нужна быстрая реакция.

– Я постараюсь, – пообещала Мэгги. – Вряд ли это так сложно.

Начался следующий раунд. У ведущего был на редкость гнусавый голос, густые брови и блестящая лысина. Мэгги пробежалась глазами по карточке, выискивая названные номера. Эд тоже поглядывал на ее номера и толкал Мэгги локтем, если объявляли нужный.

– Шестьдесят шесть, – говорил он. – У тебя есть, – и смотрел, как она обводит номер маркером.

– А вот номер три, – шептал он, показывая пальцем на ее билет.

Они сыграли три раунда. Каждый раз после оглашения номера по толпе прокатывались разочарованные вздохи или хоровое бормотание «У меня есть». По мере того как карточки заполнялись и все больше и больше номеров заключались в кружочки, шум усиливался, а вместе с ним наэлектризовывалась волнением атмосфера в зале: кто-то восклицал «Линия!», другие кричали «Да!» или «У меня!».

Возгласы «Дом!» были самыми громкими, их встречали дружные вздохи удивления и разочарования. Игроки за столами бросали ручки на стол или качали головами в знак покорности судьбе. Мэгги искренне наслаждалась происходящим. Было весело. Игра продолжалась, и в какой-то момент Мэгги обратила внимание, что их бедра постепенно сближаются – до тех пор, пока нога Эда едва не прижалась к ее собственной. И Мэгги это понравилось. Время от времени он касался ее руки, когда показывал номер в карточке, и это ей тоже нравилось.

– Ты сегодня очень красивая, – заметил он, пока проверяли билет игрока, заявившего, что у него линия.

– Спасибо, ты тоже.

Эд рассмеялся. Он до сих пор не отошел от своего успеха. Сейчас, в этот миг, его кудри были изумительно хороши, а сияющее лицо – таким живым.

– Ты и правда уже не та нескладная девчонка, – сказал он, и Мэгги покраснела от удовольствия. – Чем занимаешься?

– Я только окончила школу.

– И что собираешься делать дальше?

– Хочу устроиться на работу в «Саутенд газетт».

– Хочешь стать журналистом?

– Да, но сначала нужно дождаться результатов экзаменов.

– Ух ты. Ну молодец. Ты такая амбициозная, – сказал Эд.

– Наверное, да. – Мэгги пожала плечами. – А как насчет тебя? Что собираешься делать?

– О чем ты?

– Ну, ты же не планируешь до конца жизни прозябать в магазине женской обуви, тем более сейчас, когда ты понял, что у тебя талант?

– Не знаю, – ответил Эд, хотя вид у него сделался донельзя довольный.

– Ты же понимаешь, что должен продолжать в том же духе? – К Мэгги вернулась ее бывшая подростковая прямолинейность. Теперь она не нервничала рядом с Эдом. Нет, она чувствовала воодушевление и любопытство.

– Кажется, понимаю, – он посерьезнел.

– Это хорошо, – кивнула Мэгги. – Очень хорошо.

– Ты действительно веришь в меня! – рассмеялся Эд, и во взгляде его мелькнуло удивление.

– Неужели раньше никто не верил? – тихо спросила Мэгги.

Эд посмотрел на нее, выражение его лица смягчилось.

– Отец верил, – сказал он. – Говорил, что быть рабочим на фабрике или продавцом в магазине – не моя судьба, и я должен выяснить, какая она. Говорил, что в этом городе я не останусь, что я уеду – просто пока не знаю куда.

– А теперь знаешь?

– Может быть, – глаза Эда заблестели. – Может быть.

– Гуси-гуси, двадцать два! – донесся до них голос ведущего. – И это бинго, дамы и господа! А теперь мы с вами прервемся на полчаса. Напитки и закуски в баре!

Ведущий встал, опрокинул в себя остатки пива и закурил сигарету. Шум в комнате усилился. Эд улыбнулся Мэгги.

– Еще шенди? – спросил он.

– Да, пожалуйста.

Эд вернулся из бара еще с двумя банками шенди и пачкой чипсов. Он открыл ее и положил на стол так, чтобы Мэгги могла угощаться. И оценивающе на нее посмотрел.

– Я хорошо помню тот вечер, когда мы пошли на берег, – сказал он. – А ты?

– И я помню, – тихо ответила она.

– Спасибо, что тогда поддержала меня. – Вид у него сделался такой, будто его вдруг пронзила боль. – Подумать только, искать дурацкие окурки...

– Это была моя идея, – напомнила Мэгги. – И прошло уже много лет.

Но не для него – она это видела. Вспомнить хотя бы его взгляд, когда Рене упомянула Невилла. И посмотреть на выражение его лица сейчас.

– От него так и не было вестей? От твоего отца? – спросила она.

– Нет. Ни письма, ни звонка.

– Ты все еще думаешь, что он уплыл на необитаемый остров?

– Нет! Боже, какая глупость! – воскликнул Эд и грустно рассмеялся. – И придет же такое в голову. Нет, больше я так не думаю. Я понятия не имею, где он.

– Мне жаль, – сказала Мэгги.

– Знаю. Тогда тебе тоже было жаль. – Он посмотрел на нее с нежностью и накрутил на палец завиток, упавший ему на лоб. – Прости, что говорю такое, но мне начинает казаться, что ты станешь человеком, который всегда будет рядом со мной в трудную минуту. Звучит безумно?

– В зависимости от того, сколько продлится это «всегда», – ответила Мэгги. – Не факт, что мы задержимся в жизни друг друга.

– Думаю, что задержимся, – сказал Эд. – Вернее, надеюсь. – Он одарил ее ослепительной кривоватой улыбкой. – Прости, – добавил он. – Наверное, прозвучало высокомерно, когда я сказал, что ты будешь рядом. Я не хотел тебя задеть. Я имел в виду, что ты вроде как и правда хороший человек.

– Я неплохая, но всякое бывает, – пошутила Мэгги.

– Пока мне нравится это «всякое». – Эд пристально на нее посмотрел. – Знаешь, а мне действительно понравилось быть кем-то другим, – задумчиво произнес он, – во время спектакля.

Мэгги удивилась:

– Но разве не здорово быть тобой?

– Не всегда.

– Из-за отца?

– Ух, прямо по больному. – Эд притворно поморщился, затем улыбнулся. Вздыхнул. Забросил в рот чипсину. – Вряд ли тебе захочется это слушать. – Он покачал головой.

– А ты проверь.

Он посмотрел на Мэгги.

– И что в тебе такого, что мне хочется все тебе рассказать? – Он улыбнулся. – Тогда на пирсе, а теперь еще в зале для игры в бинго! У тебя, наверное, талант подбивать людей на откровенность. Из тебя получится хороший журналист. – Он рассмеялся. – Или секретный агент.

Мэгги усмехнулась.

– Я бы предпочла журналистику.

Ей очень нравилось, как он на нее смотрел.

– Ладно, – сказал Эд, наклоняясь ближе. – То, что ты сейчас услышишь, я не рассказывал никому. Пожалуй, полный народу зал для игры в бинго – самое лучшее место для таких откровений.

Он улыбнулся уголком губ, вытащил из пакета еще одну чипсину – и положил обратно.

– Когда отец пропал, в газетах писали, что мы были счастливой семьей. «Нормальной счастливой семьей» – кажется, так выражались репортеры, но, кажется, это не совсем правда. В нашем доме всегда было... тихо, – сказал Эд. – Пинтер бы оценил.

Мэгги улыбнулась.

– Моя мама... очень хозяйственная, почти одержимая порядком в доме – насколько там чисто, как хорошо убрано. С каждым годом – с тех пор, как я был маленьким, – ее одержимость росла. Она без конца что-то чистила, оттирала, драила. Пока папа еще был с нами... я знаю, ему это было нелегко, и он просто хотел сбежать куда подальше. По вечерам часто уходил на долгие прогулки. Бывали дни, когда он выглядел ужасно несчастным, потом к нему возвращалось хорошее настроение, и он снова предлагал мне побороться на руках, обнимал маму, когда она готовила, и спрашивал: «А что у нас на ужин?» И казалось, что все хорошо. Но это продолжалось недолго. Так что, честно говоря, иногда я и вправду думаю, что он сбежал на необитаемый остров. Потому что мне кажется, что ему этого хотелось. А иногда... мне просто тяжело, потому что мы с мамой остались вдвоем. Переехали в другой дом, но там тоже ощущается его... отсутствие. И порой мне тоже хочется сбежать.

– Мне так жаль, – сказала Мэгги. – Жаль, что тебе пришлось столкнуться с этим тогда и потом. И особенно сейчас.

– Спасибо. Об этом никто не знает, – повторил Эд, снова качая головой. – Я никому не рассказывал, только тебе. Ты умеешь слушать, Мэгги Мэй.

– Что ж, спасибо, – улыбнулась она, чувствуя, как тонет в его невероятных глазах.

– Но дело не только в этом, – продолжал Эд. – Тебе интересен мир. Ты хочешь познавать его.

– Да, наверное.

– И мне это нравится. – Эд ухмыльнулся, и Мэгги ухмыльнулась в ответ.

– Пора вернуться к игре! – крикнул ведущий, возвращаясь на сцену. – Внимание на карточку!

Молодые люди устремили взгляды на свои билеты и сыграли еще шесть партий. Мэгги и Эд шутили, и смеялись, и улыбались друг другу то застенчиво, то не очень. Проверяли друг у друга номера. Эд забавлялся, рисуя на полях своей карточки домики, звездочки и сердечки.

– Ты мне нравишься, – шепнул он Мэгги, когда четвертый победитель пошел за денежным призом. – Нравится твое лицо.

– И мне твое. – У Мэгги в животе запорхали бабочки. Ей захотелось нарисовать на обороте своей карточки огромное сердце и вписать в него имя Эда.

– Если я соберу линию, то с большим удовольствием тебя поцелую.

– В самом деле? – спросила Мэгги. Внутри у нее все кружилось и грохотало, как пустые шарики для бинго в гигантском лототроне ведущего.

– Да. Чтобы отпраздновать победу. – Уверенность, не высокомерие – вот чем он отличался. – Ты не возражаешь?

– Вовсе нет, – ответила Мэгги.

Она разнервничалась, кровь прилила к щекам, а игра продолжалась. У Эда осталось два пустых номера: семьдесят семь и тридцать три.

– Все тройки, тридцать три! – выкрикнул ведущий.

Эд обвел розовым маркером номер на почти заполненной линии и подмигнул Мэгги. У нее екнуло сердце.

– Один и шесть, шестнадцать!

Эд соорудил крайне разочарованную мину и склонил голову набок. Мэгги рассмеялась, когда он, с силой нажимая на маркер, начал обводить несчастливый номер на другой карточке.

– Ноль два, номер два!

Эд сделал вид, что хочет выбросить маркер, как бы говоря «Да чтоб тебя!». Он даже не потрудился обвести номер на другом билете.

– Семь да семь, семьдесят семь!

Тут он вскинул брови, лукаво улыбаясь, и медленно, очень медленно обвел нужный номер. Затем наклонился к Мэгги и нежно поцеловал ее в губы. У поцелуя был вкус шенди и чипсов. Женщина за соседним столом залихватски свистнула, и несколько человек ее поддержали, вызвав бурю аплодисментов. В конце концов Эд и Мэгги оторвались друг от друга и рассмеялись.

– Линия! – воскликнул Эд. Он так и сиял, не сводя глаз с Мэгги, пока к их столику не подошла женщина, чтобы проверить его карточку. – Давай уйдем отсюда, – предложил он, получив пять фунтов выигрыша.

Он взял Мэгги за руку, и они поспешили к выходу из зала, потом пробежали через фойе и выскочили в теплую ночь. На часах было почти одиннадцать, уже стемнело, и понемногу поднимался ветер. В небе висела круглая, как половинка большой луковицы, луна. Они остановились на парковке возле ивы, чьи поникшие ветки покачивались на ветру.

– Хочешь, встретимся завтра после спектакля? – спросил Эд. – Обещаю, на этот раз мы правда пойдем в паб.

– Ладно.

– Отлично.

– Но сейчас мне нужно домой, – добавила Мэгги. – Утром у меня занятия.

– Ты такая ответственная.

– Стараюсь. А у тебя смена в обувном, – поддразнила она его. – Так что пока.

– Можно я еще раз тебя поцелую?

– Можно.

– Давай представим, что кто-то из нас собрал полную карточку.

– И получил главный приз?

– И получил главный приз.

Эд наклонил к Мэгги свое прекрасное лицо и поцеловал ее. Это началось как поцелуй в зале для бинго, но переросло в нечто большее, доселе ей неведомое. Его губы были теплыми и сладостными, и через несколько секунд, к удивлению Мэгги, к ним присоединился его язык, который встретился с ее. Он привнес в поцелуй страсть и озорство, которых она не знала с Гленом из старшей школы, и Мэгги улыбнулась, не прекращая поцелуй, потому что это было восхитительно. Когда она открыла глаза, глаза Эда были закрыты, как будто он был полностью поглощен происходящим, и от этого желудок Мэгги сделал сальто, словно воздушный гимнаст. Она зажмурилась, а когда снова открыла глаза, в конце поцелуя, Эд смотрел на нее с дерзкой мальчишеской улыбкой, и Мэгги подумала, что эта улыбка останется неизменной до конца его жизни.

– Можно я буду целовать тебя вечно? – спросил Эд. Его зеленые глаза сверкали, а руки все еще обнимали ее.

«Ничто не вечно» – три коротеньких слова, которые так любила ее мама, вертелись у Мэгги на языке, но что-то помешало ей их произнести. Возможно, то, что в мыслях своих она уже представляла, как будет выглядеть вечность с Эдом Крэдкоком. Поэтому она застенчиво спрятала лицо у него в плече и прошептала:

– Может быть. Посмотрим, как пойдет.

Глава девятая

Девять вечера, на острове

– Закажете что-нибудь перекусить? – спросила Дельфина. Она стояла за барной стойкой, гордо выпятив грудь и сияя лучезарной улыбкой. – Блюдо дня – сардины.

Эд с Мэгги переглянулись. Два почти незнакомых человека сидят на высоких стульях в баре у Олли и гадают, как им вести себя друг с другом после стольких лет.

– Да, пожалуй, – сказала Мэгги. – Если честно, умираю с голоду. Я в последний раз ела в самолете.

– Две тарелки сардин, – грубовато бросил Эд Дельфине. – Твои командировочные это покроют? – спросил он Мэгги. Поскольку он не улыбался, Мэгги не знала, шутит он или нет.

– Что, не можешь позволить себе меня угостить?

По последней информации, состояние Эда составляло восемьдесят пять миллионов долларов – Мэгги прочла об этом в газете «Сандэй». Хотя фильмы с невероятными кассовыми сборами для него остались в прошлом, Эд вложил деньги с умом и сохранил капитал. В былые времена они бы посмеялись над этим разговором. Но сейчас Эд скривился, раздраженно хмыкнул и вернулся к своему рому с колой. У Мэгги возникло острое желание сбежать отсюда. Она представила, как украдет у Эда лодку, в темноте выйдет в открытый океан и будет яростно грести прочь от этого острова... Потом посмотрела на часы. Девять вечера. Впереди еще двадцать часов на одном клочке суши с Эдом Кавано, который, кажется, совершенно не настроен давать интервью.

Рыбу принесли быстро – жареные сардины с морской солью и кокосовой стружкой. Эд ел жадно, с аппетитом, как обычно кивая головой над тарелкой. Он накалывал сардины на вилку, спрашивал Мэгги: «Вкусно?» – и это напоминало ей о тех временах, когда они ходили в рестораны, ели, пили и смеялись. Когда они потягивали красное вино из больших бокалов и смаковали пасту, и им было весело, так весело вместе. Множество часов, которые пролетели незаметно и канули в небытие.

– Хочешь посмотреть коктейльную карту? – спросил Эд, когда с сардинами было покончено. – Вернее, карты как таковой нет. Здесь подают всего два коктейля, причем оба с ромом.

Мэгги рискнула попробовать «Остров мечты» – ром с кокосовым молоком. Эд заказал еще один ром с колой, и Мэгги стало интересно: он каждый вечер проводит в этом баре, наслаждаясь добровольным изгнанием и откладыванием на потом реальной жизни? Возможно ли, что его преследуют призраки прошлого – и есть ли среди них ее лицо?

– Выпьем за... ну, не знаю за что, – сказал Эд, когда, получив напитки, они без особого желания чокнулись.

– Я тоже не знаю, – согласилась Мэгги. Она понятия не имела, чем обернется ее поездка, получит она интервью или нет. И как переживет эти часы в его обществе.

– Друг мой?

За их спинами вырос громадный мужчина. На вид ему было лет шестьдесят, он был одет в белый костюм, напоминавший парадную форму американских морпехов, с жесткими эполетами и потрепанными лацканами. Мягкие внизу брюки были ему явно коротковаты. На ботинках – черных, со шнуровкой и круглыми носами – виднелись потертости. В руках он держал элегантную белую фуражку с потускневшей золотой окантовкой.

– Привет, Батист, – тепло поздоровался Эд.

Мужчины обменялись рукопожатиями, и Эд хлопнул Батиста по спине.

– У тебя свидание? – спросил Батист. У него были спокойные карие глаза, короткие волосы цвета ртути и маленький рот под пышными усами в духе Омара Шарифа. Когда Батист застенчиво улыбался, открывался частокол кривых зубов.

– Нет, – в унисон сухо ответили Мэгги и Эд.

– Это Мэгги, старая подруга, – сказал Эд. – Но до сих пор красивая, – уточнил он, чем изрядно удивил Мэгги. Хотя возможно, Эд просто воспользовался своим голливудским обаянием, чтобы произвести на Батиста хорошее впечатление.

– Привет, Мэгги, и добро пожаловать на остров Воспоминаний, – сказал Батист. – Не желаете ли совершить тур по острову?

– Прости, он всем это предлагает, – вмешался Эд. – Это его уловка для знакомства.

Батист отвесил Мэгги небольшой отрепетированный поклон и покрутил в руках фуражку.

– Иногда Батист проводит экскурсии по острову. Может показать тебе интересные места.

– У нас тут есть гигантские черепахи, – сказал Батист, – и лагуна с водой до того синей, что она кажется нарисованной. И старая усадьба плантатора. – Он повернулся к Эду, и тот кивнул.

– Замечательно, – отозвалась Мэгги, – но не уверена, что у меня хватит времени...

– Мы можем начать пораньше, – предложил Батист. – Например, утром?

– Может, *нам* и в самом деле отправиться экскурсию, – посмотрел на нее Эд. – Будет весело.

– А еще это отличный способ избежать интервью... – Мэгги выразительно вскинула бровь.

– А вдруг в компании гигантской черепахи я стану более откровенен? Хотя я бы особо на это не рассчитывал.

– Ты же просто «устал».

– Так и есть.

Эд не устал. Недавно он упустил крупную роль, которую, по словам журналистов, после «Пловца» уже считал своей. Эд должен был сыграть старика в очередной экранизации «Старика и моря», классического произведения Хемингуэя. Но Эду предпочли Джорджа Клуни. Весь мир знал, что это стало причиной его побега. Вот почему он покинул Голливуд и отправился на остров Воспоминаний, вынудив прессу каждую неделю разражаться заголовками, кричащими «Где Эд Кавано?», «О легенде Голливуда ничего не слышно уже три месяца!» и «Куда пропал ветеран Голливуда?».

В ответ на его слова Мэгги только покачала головой и повернулась к Батисту, который ослепительно ей улыбался. На руке с офицерской фуражкой поблескивали в свете свечи золотые перстни с печатками.

– Вы тоже актриса? – с любопытством спросил Батист. – Как наш знаменитый мистер Эд? Мне так нравится его шоу «Эхо-драйв». Вы в нем снимались? Это ведь вы играли продавщицу в магазине? – Он прищурился и взгляделся ей в лицо.

Мэгги рассмеялась:

– Нет, я не актриса. Я писательница.

– Писательница? Что ж, это почти так же увлекательно! – довольно провозгласил Батист.

– Да, почти, – улыбнулась Мэгги.

Затем Батист пытливо посмотрел на Мэгги, потом на Эда – и снова на Мэгги.

– У вас двоих ведь есть какая-то история?

– Нет, – сказала Мэгги.

– Да, – сказал Эд.

Мэгги глянула на Эда, он развел руками и пожал плечами.

– Разве нет?

– Да, но лучше об этом не упоминать.

В глазах Эда мелькнуло странное выражение.

– Спасибо, Батист, мы поедem на экскурсию, – сказал он. – Благодарю тебя.

– Замечательно, – без особого энтузиазма кивнула Мэгги. Интервью ускользало у нее из рук.

– Что ж, тогда не буду мешать вам наслаждаться коктейлями, – сказал Батист, тепло улыбаясь. – Увидимся, друг мой. – И он зашагал прочь, высокий, широкоплечий и невозмутимый, как столбик свечи.

– Какой оригинальный, – заметила Мэгги. – Мне понравился его костюм.

– Да, я все думаю, что с ним должна быть связана какая-то история, – задумчиво отозвался Эд. – Батист говорил, что купил его на сейшельском острове Маэ. Он носит его каждый день.

– Но на острове Воспоминаний нет туристов. Ну, кроме тебя, а теперь и меня. Как он может зарабатывать на жизнь экскурсиями?

– А он на них и не зарабатывает. У него золотые руки. Батист любит называть себя консержем. Он занимается доставкой, выполняет поручения, чинит вещи. Раньше работал механиком на Ла-Диге. В молодости он добирался туда на лодке – это был единственный остров поблизости, где имелись автомобили, а Батист с юных лет питал к ним слабость. Сейчас он единственный на острове Воспоминаний, у кого есть машина. Правда, толку от нее немного. Но он любит свою старую развалюху – по легенде, двоюродный брат Батиста разобрал какой-то старый драндулет и отправил по деталям сюда на лодке, чтобы тот заново его собрал. – Эд улыбнулся. – Говорят, Батист как заправил его в первый раз, так до сих пор бензин не потратил.

Мэгги рассмеялась.

– А ты отправился с ним на экскурсию, когда только приехал на остров?

– Да. Он был вторым человеком, которого я встретил, когда сошел на берег. Мы познакомились тут, у Олли. Он свозил меня на экскурсию, потом обеспечил лодкой и рыболовными снастями. Мы с ним сразу поладили. – Эд пожал плечами. – Батист – отличный парень. Себе на уме, но, знаешь, надежный.

– И ты не боишься, что он свяжется с журналистами и расскажет, что ты здесь? Чтобы подзаработать.

– Мэгги, я показываю тебе картины своего счастливого пребывания здесь, а ты их разби- ваешь, – упрекнул ее Эд. – Вот мы с Батистом на рыбалке. Вот сидим в баре, обсуждаем, как навести в мире порядок. Мы братья по оружию... Так что нет. До сих пор он этого не сделал, как и никто на острове. Местные – люди скрытные, а еще стоят друг за друга горой. Никто меня не предал. Не такие они.

Интересно, эта шпилька предназначалась ей? Мэгги позволила ей пронзить себя насквозь и воткнуться в жестяную рекламную вывеску.

– Руперту ты тоже не сказал, где находишься? – спросила она. – Или Алексии? – Майкла Мэгги упоминать не стала. – Как ты мог не сообщить им, где ты?..

Они оба понимали, к чему она клонит. Исчезновение его отца. Боль и смятение, на кото- рые он обрек свою семью. *Как Эд мог поступить точно так же со своим другом, женой, сыном?*

– Они знают, что я жив, – резко ответил он.

Мэгги кивнула. В газетах писали, что уже после побега Эд позвонил своей жене Алексии из международного аэропорта в Лос-Анджелесе, с таксофона, чтобы полиция его не искала и не было никакого расследования. Он сказал, что садится в самолет, и попросил не беспокоиться. Несколько человек в аэропорту видели, как он звонил. Он даже раздал парочку автографов перед тем, как исчезнуть.

– Как же так вышло, что никто не заметил тебя по пути сюда? – спросила Мэгги. – В зале вылетов «Катар Эйруэйз». Ты ведь летел сюда рейсом «Катар Эйруэйз»?

– Опять твои детективные штучки, – поморщился Эд.

На этот раз шпилька отскочила от Мэгги.

– И никто не видел тебя в самолете, летевшем в Доху? Или на Сейшелы?

Один из самых глупых заголовков, сопровождавших статью об исчезновении Эда в более чем несерьезном американском издании, гласил: «Неужели звездный актер ушел в самоволку и отправился на «необитаемый остров», как и его отец?» В статье привели цитату из интервью, которое Эд дал много лет назад. В нем он упомянул о своем пропавшем отце, Невилле Крэддоке, и признался, что однажды ему пришла в голову нелепая мысль о том, что его отец отправился «искать себя» на какой-нибудь далекий остров. Мэгги прочла тот материал, как и все прочие, посвященные бегству Эда из Голливуда, и отложила в сторону – вместе со всем остальным миром.

– После звонка, который я намеренно сделал в людном месте, я пошел в уборную, – (Мэгги невольно отметила нехарактерное для него слово), – и замаскировался. Ой, да не смотри ты на меня так, я просто надел джемпер, надвинул шляпу на глаза и замотал лицо шелковым шарфом. Не думай, что я вырядился клоуном или что-то в этом роде... А когда я прилетел сюда, данные о пассажирах нельзя было проверить, – он пожал плечами, – поскольку все знали, что со мной все в порядке. Я же сообщил о своем отъезде. Ни полиции. Ни ФБР. Ничего из того, что показывают в кино.

– *Беглец...*

Мэгги ждала, не упомянет ли Эд об открытке, которую прислал ей, но он уже встал и, извинившись, пошел в туалет.

– Сейчас вернусь, – бросил он, и Мэгги проводила его взглядом.

Десять дней назад – через двенадцать недель после того, как в газетах появились сообщения, что Эд Кавано тайно покинул Лос-Анджелес, – в лондонскую квартиру Мэгги пришла открытка. На ней была изображена башня с часами в Виктории, столице Сейшельских островов на острове Маэ. На штемпеле тоже значились Сейшелы. Мэгги вертела открытку в руках, стоя в проеме маленькой кухни, а за окном тихо падал снег, накрывая Лондон белым саваном. На обратной стороне открытки не было ничего, кроме ее адреса, выведенного почерком Эда, который она без труда узнала. Авиапочтовой наклейки Мэгги тоже не нашла. Она отнесла открытку, утреннюю чашку кофе и потускневшие воспоминания об их прошлых разговорах к ноутбуку. Быстрый поиск в «Гугле» подсказал ей, что авиакомпания «Катар Эйруэйз» дважды в день совершает рейсы из Лос-Анджелеса на Сейшельские острова через Доху в Персидском заливе. Поискав возможные маршруты, Мэгги узнала, что паром под названием «Petit Coco De Mer» – «Маленький морской петушок» – отправляется каждый понедельник в 16:00 с острова Праслин на остров Ле-Кальм, то есть остров Спокойствия, откуда иногда на маленьком катере можно добраться до острова Мемуар, то есть острова Воспоминаний.

Открытка так и лежала на низком комодке, пока Мэгги не засунула ее между страницами книги Норы Эфрон¹⁹ в твердом переплете. А потом Симона, редактор «Сверхновой», изрядно перебрав за ужином с выпивкой, взяла книгу в руки, пролистав ее, вытащила открытку и невнятно пробормотала:

– Сейшельские острова? От кого это?

И Мэгги, лежавшая ничком на диване, на свою беду, сонно ответила:

– От Эда Кавано.

Тремя с половиной часами ранее Симона заявила к ней уже порядком пьяная. Ее обычно идеально гладкое каре цвета воронова крыла остро нуждалось в расческе, которую

¹⁹ Американская писательница, сценаристка, режиссер.

Симона всегда носила в сумочке. Уши торчали из волос, как монетки. Она ввалилась к Мэгги на высоких каблуках, в узких брюках-сигаретах и белой рубашке – точь-в-точь Ума Турман в «Криминальном чтиве», – закурив еще до того, как переступила порог («Слава богу! Твоя квартира – одно из двух помещений, в которых я могу курить. Второе – туалет в клубе «Калвингтон»»), и, заикаясь, пробормотала: «Все летит к чертям».

– О чем ты? – спросила Мэгги, помешивая соус бешбармак, и достала два бокала.

– «Сверхновая». – Симона затянулась неизменным «Мальборо Лайт». – Нас вынуждают перейти на электронный формат.

– Это плохо?

Мэгги забрала бутылку «Бомбейского сапфира» из тонкой руки Симоны и налила джин ей в бокал, добавив тоник и лед. Они с Симоной были закадычными подругами вот уже тридцать лет – с тех пор, как им впервые довелось работать вместе. Они обошли немало баров рука об руку, осушая один бокал за другим.

– Вроде бы нет, – ответила Симона, отнимая у Мэгги бутылку и отхлебывая прямо из горлышка, – но я в этом не разбираюсь, и на меня давят. Запуск должен быть громким, а у меня вообще нет идей.

– Понятно, – кивнула Мэгги. Она не знала, что еще сказать. Правда заключалась в том, что сама Мэгги собиралась уйти на пенсию, и вот уже несколько месяцев ломала голову, как преподнести эту новость Симоне. Возможно, она сделает это сегодня – после того, как они выпьют еще пару бокалов и Симона просветит ее о планах перезапуска «Сверхновой».

– Эд Кавано! – воскликнула Симона, стоя у комода Мэгги и пытаясь разобрать дату на штемпеле. Она знала все о Мэгги и Эде, всю их историю от начала до конца. Симона провела немало часов, положив на руки острый подбородок, наслаждаясь выверенным слогом и отблесками яркого прошлого. – Маэ – это может быть интересно... Значит, вот где он сейчас? – Она отлепила стикер от башни с часами. – Воспоминания? Что это? Какое-то место?

– Название острова. Остров Воспоминаний, – пробормотала Мэгги, не вставая с дивана. Она вспомнила о своей записке. – В Индийском океане.

– Думаешь, он там?

– Да, – с несчастным видом призналась Мэгги. Она слишком много выпила, чтобы спастись от того, что ей уготовила Симона.

– Значит, туда ты и отправишься! – громко объявила та. – Найди Эда! Узнай, что он там делает! Почему он ушел! Это поможет нам запустить электронную версию, Мэгги!

– Нет. Нет. – Мэгги мотнула головой. – Я собиралась уйти на пенсию.

– На пенсию? Когда? Почему?

– В следующем месяце. Ну или через месяц. Просто подумала, что пора.

– Нет, не пора! Мэгги, у тебя впереди еще много отличных статей! И материал об Эде Кавано может выйти потрясающим! Знаю, дни его громкой славы в прошлом, но ремейк «Пловца» вернул его в игру. Пробудил интерес публики. В частности, наших читателей. Эта статья может стать одной из публикаций, которые по-настоящему прогремят. «Где он сейчас?..» Вот чем ты займешься!

Мэгги тяжело вздохнула. Над колонкой «Где они сейчас?» в том или ином формате она работала больше сорока лет. В юности Мэгги писала пронзительные ностальгические заметки в «Саутенд газетт», затем – биографии некогда прославленных актеров мыльных опер в чрезвычайно популярном в 90-х журнале «На самом деле!» и наконец дошла до глубоких, подробных статей о забытых и угасших звездах в журнале «Сверхновая». Мэгги думала, что с нее довольно. Ей и в голову не приходило, что ее попросят написать об Эде Кавано.

– Я не собираюсь его искать, – пробормотала она, садясь на диване и почесывая голову. – Не могу. К тому же все знают, почему он там. Не смог смириться с тем, что ему не досталась роль в «Старике и море».

– Да, я читала об этом, – сказала Симона. – Но вдруг у тебя получится посмотреть на это под другим углом.

– Возможно.

– Последнее дело! – взмолилась Симона. – Как в фильмах про ограбления. Закажи билеты на самолет и все, что тебе понадобится. Да я сама закажу, если хочешь. И выдвигайся как можно скорее, а то вдруг он снова куда-нибудь сбежит. Я знаю, ты напишешь блестящую статью. И кто знает, может, наконец «подведешь черту». – Она изобразила пальцами воздушные кавычки – Мэгги терпеть не могла этот жест.

– Сомневаюсь, что когда-нибудь подведу черту с Эдом Кавано. – У Мэгги вырвался горький смешок. – Не такой он человек.

– Найди его! – не унималась Симона. – Если у тебя получится, мы обеспечим себе громкий запуск и, возможно, мне удастся сохранить «Сверхновую» и всех сотрудников, которым платят зарплату.

– Неужели переход в электронный формат так важен?

Симона натянула маску смирения, и Мэгги поняла, что да, важен.

– Не знаю, – сказала она, качая головой, но глубоко внутри у нее шевельнулось какое-то чувство. Желание выследить пропавшего человека. Подавленный гнев, от которого она наконец избавится, если напишет об Эде и о том, кем он стал – по сравнению с тем, кем был.

* * *

Эд вернулся, сел на свой табурет и отхлебнул еще рома. Мэгги разглядывала его профиль. Подбородок. Красивый прямой нос. Загорелый покатый лоб.

– Сколько ты планируешь здесь оставаться? – спросила она.

Он повернулся и посмотрел на нее.

– Честно говоря, понятия не имею. Никаких далекоидущих планов у меня нет.

– Полагаю, что в какой-то момент ты просто решишь, что хватит. И вернешься к прошлой жизни как ни в чем не бывало.

– Возможно.

– Но сейчас ты здесь. Потому что устал, – сказала она.

– Именно. – Эд взял со стойки пачку сигарет, с хрустом откинул крышку – и закрыл.

Мэгги определилась с точкой зрения. Она приехала на остров Воспоминаний, чтобы написать статью об Эде Кавано – о том, что слава делает с человеком. Она собиралась поведать о том, кем Эд был раньше и кем стал сейчас. Как он превратился в человека, который может внезапно «пропасть с радаров». Ей казалось, что читателям будет интересно об этом узнать.

Эд покосился на нее – и отвел взгляд. Свеча, стоявшая перед ними, почти догорела. Эд обмакнул палец в теплый воск и скатал шарик между подушечками большого и указательного.

– Был один итальянский ресторанчик, – сказал он, не поднимая глаз. – Я вспоминал его всякий раз, когда заходил в какой-нибудь модный ресторан в Голливуде.

Мэгги тут же представила клетчатые скатерти и красные свечи в винных бутылках, воск, стекающий на стол. «У Франко».

– И столик в углу.

Мэгги не знала, чего в голосе Эда было больше – горечи или ностальгии. Для них обоих путешествие по закоулкам памяти не было прогулкой по тенистой аллее. Вдоль их усеянной минами тропы тянулась колючая проволока. «У Франко»... Мэгги много лет не вспоминала об этом месте.

– Группа скоро начнет. Хочешь еще что-нибудь выпить? Я выпью.

Эд поднял на нее глаза. Она могла бы уйти прямо сейчас и вернуться в свое бунгало. Мэгги не была уверена, что найдет его в темноте, но можно и рискнуть. В телефоне имелся

фонарик, и заряда еще хватало. Она должна заполучить это интервью. А значит, растопить лед в сердце Эда. Погрузиться в воспоминания. И через несколько часов уехать отсюда с материалом для статьи.

– Хорошо, – сказала Мэгги. – Я тоже выпью.

Глава десятая

Девять вечера, 17 сентября 1975 года

Мэгги работала допоздна. Было в этих словах что-то восхитительное, думала она, идя по городу; листья на деревьях уже начинали буреть, и ветер, предвестник осени, набирался сил, чтобы сорвать их и пошвырять на тротуар. *Работать допоздна* – значит делать что-то важное, значит, ты нужна. Значит, куда-то движешься.

Восемнадцатилетняя Мэгги Мартин, получившая высший балл сразу по трем экзаменам, вот уже три недели и четыре дня продавала рекламные площади в «Саутенд газетт». Она сидела в прокуренном кабинете рядом с бухгалтерией – через коридор от отдела новостей. Мэгги должна была обзванивать как бывших клиентов, так и потенциальных и предлагать им место в газете – четверть полосы, половину или целую полосу. Она заполняла бланки заказов и отправляла их в художественный отдел. Мэгги уже стала одной из «девочек» – девушек из рекламы, бухгалтерии и отдела машинисток, – в чьи обязанности, как ей казалось, входило носить короткие юбки, красивые блузки и высокие каблуки, вместе обедать в местном кафе (поскольку паб считался исключительно мужской территорией), быть в курсе последних новостей шоу-бизнеса (в том числе какая звезда в каком фильме снималась) и постоянно кипятить воду в чайнике.

Мэгги нравилось в рекламе, но она воспринимала это лишь как трамплин для дальнейшей работы, поскольку ее отдел располагался напротив новостного – куда она хотела попасть на самом деле. Но, когда Мэгги приступила к поиску работы, там не было вакансий. Она звонила в «Газетт», рассказывала о своих отличных оценках, просила взять ее младшим сотрудником, девочкой на побегушках, да кем угодно, лишь бы оказаться в отделе новостей, – и все без толку. А вот в рекламе сотрудники были нужны, и Мэгги решила, что может подождать. Главное – попасть в редакцию. Когда двери отдела рекламы и отдела новостей были одновременно открыты, она могла видеть свою цель и наблюдать за журналистами сквозь плотный туман сигаретного дыма. Там работали и женщины, целых две! Обе носили брюки! Они бегали туда-сюда с листками бумаги либо сосредоточенно хмурились за своими столами. Там были корректоры, которые сидели с чашками кофе и блокнотами формата А4 и недовольно почесывали затылки карандашами. Был редактор, который время от времени распахивал тугую коричневую дверь своего кабинета в углу и приглашал кого-то войти. Все эти целеустремленные, умные люди занимаются чем-то захватывающим – сообщают о фактах, разгадывают загадки, исследуют мир, думала Мэгги. А она днями напролет, сидя в красивой блузке за столом с массивным бежевым телефоном, набирала номера скучных местных компаний.

Тем сентябрьским вечером, когда Мэгги отработала в «Газетт» три с половиной недели, одна из журналисток тоже засиделась на работе допоздна. Пока Мэгги договаривалась о стоимости рекламы для ночного клуба «Глитц», расположенного рядом с газовым заводом, – владелец, чей голос напоминал рев туманного горна, сказал, что может обсудить это по телефону только после 19:30, – двери отдела рекламы и отдела новостей были открыты. Мэгги увидела журналистку за рабочим столом: она тоже разговаривала по телефону, увлеченно делая пометки в блокноте. Сохраняя серьезное выражение лица, она постукивала указательным пальцем по телефонной трубке, внимательно слушая собеседника на том конце провода. Мэгги наблюдала, как женщина скрестила и выпрямила ноги под столом – темно-синие брюки, коричневые ботинки со шнурками. В какой-то момент она даже прослезилась – и вытерла злые слезы костяшкой большого пальца, продолжая яростно строчить в блокноте, после чего наконец расплылась в довольной улыбке.

«Скоро», – подумала Мэгги, предлагая гудящему владельцу ночного клуба дополнительную скидку на половину полосы, когда журналистка поймала ее взгляд через кабинет и коридор – и коротко кивнула. «Скоро».

* * *

Иногда, как, например, сегодня вечером, Эд ждал Мэгги в итальянском ресторанчике на берегу моря. «У Франко» находился на полпути вверх по холму, или по так называемым склонам, на которых разместились террасные сады и травяные пятачки, спускавшиеся к набережной Саутенда. Порой Эд с Мэгги устраивали пикник прямо на склонах. А бывало, они поднимались на самый верх и целовались на одной из скамеек рядом с затейливо оформленными клумбами. Они встречались уже три месяца. За спектаклем и игрой в бинго последовал вечер в пабе, который превратился во множество вечеров в пабах и в развлекательном центре «Курсааль», в залах с игровыми автоматами и в боулинге, до тех пор пока один из пабов не стал «их пабом» и они не начали «постоянно встречаться». Эд познакомился с родителями Мэгги и со Стиви, который буркнул им «Че как?», когда они пили чай за кухонным столом. Мэгги познакомилась с мамой Эда, которая подала им кофе в изящных чашечках и воздушные пирожные на кружевных салфетках в хирургически чистой «передней гостиной», где с одного из велюровых диванов так и не сняли целлофановую упаковку.

Мэгги с Эдом много целовались. Возле пабов, на скамейках и во время прогулок. В ее спальне, в его спальне. Спрятавшись под навесом из скатертей, расстеленных внахлест, после барбекю в саду у двоюродного брата Эда, жившего в Хэдли, – а вокруг них в темноте собирали со стола бумажные тарелки с куриными косточками и выбрасывали их в мусорные баки. Они поцеловались даже у выхода на сцену после спектакля – и зрители, ожидавшие, пока Эд распишется в их книжечках для автографов, радостно заулюлюкали. Мэгги покраснела, а Эд поцеловал ее снова.

Сегодня вечером, направляясь к отдельному столику в углу ресторана «У Франко», Мэгги гадала, не случится ли снова так, что они засидятся дольше остальных гостей и продолжат болтать даже после того, как свечи в бутылках прогорят до огарков, а персонал станет шумно наводить порядок в зале, намекая на то, что им с Эдом тоже пора уходить. Потому что это уже вошло у них в привычку.

– Привет, – сказал Эд.

Он был одет в непозволительно сексуальную черную рубашку с тремя расстегнутыми пуговицами. Взъерошенные волосы так и манили взлохматить их еще больше. Мэгги пришлось сделать над собой усилие, чтобы не запустить пальцы в его кудри, перед тем как сесть.

– Ну привет. Как прошла репетиция? – спросила она. На столе перед Эдом лежал сценарий, а Мэгги с гордостью положила на свободное место рядом с собой голубую картонную папку.

– Отлично, спасибо. Кажется, у нас собирается отличная компания.

– О, «компания», значит, – поддразнила его Мэгги, откидываясь на спинку стула и невольно отмечая, как дивно красивы его зеленые глаза в свете свечей. – Какие у нас теперь выражения!

После «Немого официанта» в «Газетт» напечатали небольшую заметку, в которой Эда Крэдока назвали одновременно «вундеркиндом» и «подающим надежды талантом». Эд принес газету на их второе свидание в «Корабле и якоре» на Кук-стрит и зачитал ей вслух прямо у барной стойки. Когда они встретились в следующий раз, Эд рассказал, что после смены в магазине ему позвонил Руперт Робинсон и предложил себя на должность его агента. Эд не был уверен, что понимает, о чем речь, а Руперт объяснил, что агент – это тот, кто будет за ним присматривать и поможет с поиском работы. Руперт сказал, что пусть Эд непрофессиональный

актер и сыграл всего лишь в одном спектакле, но в «Павильоне на утесе» как раз идут пробы для постановки по книге Агаты Кристи – и Руперт съест свою шляпу, если Эд не получит роль.

Эд пошел пробоваться на роль молодого Ральфа Пейтона в «Убийстве Роджера Экройда» – и получил ее, о чем Руперт объявил ему на следующее утро в одной забегаловке на набережной. Правда, сперва сделал вид, что тычет ножом и вилок в старую отцовскую кепку и только потом швырнул ее на пол и сообщил Эду хорошие новости. Показы спектакля закончились, и Руперт сразу отправил его пробоваться на роль Артура Киппса в мюзикле «Полшестипенсовика» в ипсвичском «Риджент-театре». И ее Эд тоже получил, хотя никогда раньше не пел и не танцевал, но оказалось, что он вполне на это способен. В магазине женской обуви на Арч-роуд он продал последнюю пару чулок и сказал, что больше там работать не будет. Теперь сценарий «Полшестипенсовика» лежал перед ним на клетчатой скатерти рядом со свечой в бутылке.

– Я так за тебя рада.

Мэгги повесила свой темно-синий блейзер на спинку стула. Она и правда была рада. Рецензии на «Убийство Роджера Экройда» были сплошь хвалебными. В «Газетт» Эда назвали «невероятно харизматичным», отметили, что «на это имя стоит обратить внимание», добавив, что «в парне что-то есть» и что он «прирожденная звезда». («Прирожденная звезда! – воскликнула Мэгги, прочитав это в пабе на Роуз-стрит. – Чтоб меня!»)

– Как дела с обучением игре на банджо? – спросила она Эда, пока он наполнял ее бокал кьянти. В мюзикле «Полшестипенсовика» Артур Киппс играл на банджо.

– Неплохо, – сказал Эд. – Пожалуй, на банджо я теперь играю лучше, чем на гитаре.

Они дружно рассмеялись.

– На самом деле мне нравится. Скоро я стану фанатом всех струнных инструментов. Может, потом возьмусь за укулеле. А как прошел твой день в «Газетт»?

– Я прямо из редакции. Поэтому до сих пор в офисной блузке и короткой юбке, – сказала Мэгги, попутно пытаясь одернуть юбку на бедрах.

– Я против юбки ничего не имею. – Эд ей подмигнул.

– Я и не думала, что ты станешь возражать. – Мэгги улыбнулась, залившись краской. – Мне пришлось задержаться, чтобы поговорить с владельцем клуба «Глитц». Я продала ему целую полосу. Еще сегодня я продала половину полосы мясникам с Куинс-роуд, а вторую половину – магазину одежды над «Курсаалем».

– Потрясающе, – сказал Эд. – Наверное, в редакции тобой очень довольны.

– Думаю, да.

– Но это не то, чем ты хочешь заниматься?

Мэгги покачала головой:

– Нет. Возможно, на следующей неделе схожу к редактору. Спрошу, есть ли что-нибудь для меня. Правда, я ужасно нервничаю. Остальные журналистки намного старше. Они выглядят такими... серьезными.

– Ты тоже серьезная, – заверил ее Эд. – Дерзай. У тебя получится. Ты отлично пишешь.

Она показывала Эду свои работы: короткие рецензии на фильмы и заметки о местных событиях вроде летнего карнавала.

– Ты станешь всемирно известным журналистом, Мэгги.

– Спасибо, – сказала она, хотя мечтала совсем не об этом.

Мэгги не грезила о мировой славе и о том, чтобы ее имя звучало на каждом углу, то есть о том, к чему сам Эд – в этом Мэгги не сомневалась – двигался уверенно и непреклонно, и софиты освещали каждый его шаг. Она же просто хотела работать. Узнавать что-то и писать об этом. И достичь высот в своем ремесле.

– Я отнесу ему образцы своих работ, посмотрим, что он скажет.

– У тебя все получится, подожди – и увидишь. И кстати, из тебя выйдет очень сексуальный репортер. – Эд положил руку ей на бедро.

– Правда, не думаю, что дело в этом.

– Нет, но мне нравится. – Эд наклонился, Мэгги подалась ему навстречу, и он поцеловал ее – нежно, соблазнительно. – Давай сделаем заказ, – прошептал он.

На закуску они заказали грибы с чесноком и брускетту с помидорами и оливками, а в качестве главного блюда – пасту арабьята. И взяли еще одну бутылку вина. Они не сводили глаз друг с друга, отвлекаясь только на разговор с новым остроносим официантом.

Мэгги подумала, что сидит слишком далеко от Эда, и незаметно придвинула стул поближе к нему. Эд потянулся через стол за вином, а когда сел обратно, то подвинул стул поближе к ней. Огонек свечи в бутылке замерцал. Эд поймал каплю расплавленного воска кончиком пальца и скатал ее в шарик.

«Поцелуй меня еще раз», – подумала Мэгги. Было сегодня вечером в Эде что-то особенное. В том, как он выглядел. В том, как кудри падали ему на глаза. Как в его зрачках плясали огоньки свечей. Он был таким счастливым, таким уверенным в себе. Он предвкушал то, что готовило для него будущее, и Мэгги поймала себя на мысли, что хочет разделить это будущее с ним. Хочет провести с ним еще больше таких часов. Больше дней, больше месяцев, больше лет. Она хотела разделить с ним все время.

Поцелуй меня еще раз.

– Ты сегодня очень красивая, – сказал Эд.

– Спасибо, ты тоже.

– Я думаю только о том, как поцеловать тебя.

– Но сначала ты должен съесть свою пасту.

– Уже не уверен, что хочу.

Он бросил взгляд на свои часы. Мэгги посмотрела на свои. Только что миновало девять.

– Как вам еда? – Официант нарисовался возле их столика и неодобрительно устремил острый нос на едва тронутые тарелки.

– Все хорошо, спасибо, – почти хором ответили они.

– Хотите еще выпить?

– Нет, спасибо.

Официант цыкнул и удалился. Эд отложил вилку.

– Хочешь съесть десерт на пляже? – спросил он.

Мэгги наклонила голову набок.

– О чем ты?

– О том, не хочешь ли ты съесть десерт на пляже, – повторил Эд. – Ну так как? Да?

– Да, – ответила она.

Эд выудил из бумажника несколько купюр и бросил на стол. Мэгги быстро накинула на плечи блейзер. Эд взял ее за руку и повел по ступеням к набережной, а потом через дорогу на другую сторону, мимо одной из викторианских беседок, в которых любили посидеть зимой старые дамы. Эд с Мэгги бежали и целовались. Смеялись. Наслаждались тем, как им повезло испытать подобные чувства. Повезло смеяться, целоваться и бежать при лунном свете. Эд привел Мэгги на пляж, к низкой волноотбойной стене и пледу, расстеленному на мелкой гальке.

– Это для нас? – спросила Мэгги.

Плед был в полосочку, и ночной ветер шевелил кисточки по краям.

– Для нас. И я рад, что он еще здесь, – рассмеялся Эд.

– Как мило. А где наш десерт?

Эд подскочил к стене и достал из незаметной для глаз ниши два пирожных «Уолнат Уипс» в прозрачной обертке.

– Вуаля, – сказал он, протягивая одно Мэгги. – Но сперва я должен тебя поцеловать. Как следует.

Эд повалился на плед и, хихикая, привлек ее к себе. Все еще держа пирожные в ладонях, они сплелись трепещущими от желания телами и целовались, целовались, целовались, запуская пальцы в волосы и прижимаясь друг к другу все теснее и теснее, так что несчастные пирожные в конце концов отлетели на гальку. Округлые камни охладили Мэгги спину сквозь плед. Море за стеной было черным и бескрайним, с мелодичным плеском оно омывало скрытый во тьме берег. В небе висела идеальная половинка луны, словно кто-то сложил пополам бумажную тарелку. Это был их час. Их ночь. Она принадлежала только им двоим. Мэгги казалось, что она знает Эда целую вечность, и в то же время он был для нее совершенно новым человеком. А это мгновение – столь же мимолетным, сколь бесконечным.

– Мэгги, – наконец прошептал Эд, крепко обнимая ее за талию. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

– Что случилось? – прошептала она. Их губы были всего в дюйме друг от друга, они тяжело дышали в ночном воздухе.

– Я хочу сказать, что люблю тебя.

– Да? – сказала она едва слышно, уткнувшись ему в шею, в ее мягкость и тепло.

– Да. Я люблю тебя, Мэгги. Ты любишь меня?

Как он мог этого не знать, подумала она. Как он мог не чувствовать, как бьется сердце в ее груди, или не видеть, как она пожирает его глазами, не понимать, как ее губы жаждут прижаться к его губам, а ее тело – прильнуть к его? Разве она не открыла шлюзы своих чувств? Не выставила на всеобщее обозрение свое сердце, бьющееся только для него, в тот самый первый вечер, когда он спел ей «Мэгги Мэй»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.